

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ВЕРБОВКА

ИЛИ ЧЕРНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Владимир Григорьевич Колычев
Черное правосудие
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165026
Черное правосудие: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20477-9

Аннотация

Цель Организации конкретна и проста: положить конец кровавому беспределу, захлестнувшему страну. Средства тоже просты – беспощадное истребление криминала руками завербованных киллеров. Ольга и Максим из их числа. В такой работе гарантий не бывает: верь только себе да надежному стволу, ведь в волчьих разборках побеждает не первый, а сильнейший...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	36
Глава третья	86
Глава четвертая	110
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Владимир Колычев

Черное правосудие

Глава первая

Максим Катанов принимал присягу в феврале 1992 года. В серой шинели и натянутой до ушей шапке, с автоматом на груди, дрожащим от волнения голосом он читал на морозе слова клятвы.

До армии он был кумиром девчонок. Красивый юноша с черными как смоль волосами и синими ангельскими глазами. Теперь от его длинных, как у музыканта, волос остался только короткий «ежик». Форма топорщилась на нем, в ней он казался тощим несуразным цыпленком. Марина, его девушка, наверное, подняла бы его на смех. Но она не приехала на присягу, поэтому не видит его. На присягу к нему приехала только бабушка, у которой он жил в последнее время. Родители его погибли в автокатастрофе год назад, и он переехал из Херсона в Грибовск.

За его спиной почти два месяца в «карантине» отдельного батальона особого назначения. Тяжело ему было, жуть как тяжело. С превеликим трудом выдерживал он тяжесть страшнейших физических нагрузок, ужасно страдал от лютого мороза на стрельбище и на броне боевой машины де-

санта. А ведь это только цветочки, ягодки еще впереди.

В случае войны его батальон должен выполнять особой важности боевую задачу. Ведение полномасштабной диверсии по объектам противовоздушной обороны противника: установка точечных наземных источников радиопомех, блокировка линий электропередачи, полная или частичная ликвидация боевого охранения, уничтожение радиолокационного и специального оборудования. И многое другое. Мелкими группами бойцы должны высаживаться в тыл врага на самолетах, вертолетах, даже с подводных лодок в аквалангах. Они, по сути, смертники. Надо ли говорить, что для выполнения подобных задач требовались высококласные специалисты по диверсиям. Таким специалистом и предстояло стать Максиму. Он сам напросился в спецназ, хотя уже сто раз успел об этом пожалеть.

После присяги их разбросали по ротам. Он попал во вторую, «славную дедовскую», так называли ее солдаты между собой. А дедовщина здесь была будь здоров. В этом Максим убедился в первый же день.

После отбоя, когда офицеры разошлись по домам, молодых подняли по тревоге и выстроили в ровную шеренгу.

На середину казармы вышел «дед» в камуфляжных штанах, тельняшке и тапочках на босу ногу. В руке он крутил связку ключей на кожаном ремешке.

– Установка противотанковых заграждений! – посмеиваясь, объявил он.

Подталкиваемые «дедами» молодые вынесли на середину казармы несколько коек с панцирными сетками. Установили койки в ряд.

– Десантирование с «вертушки».

Два крепко накачанных жлоба в тельняшках подхватили на руки молодого солдата, высоко подняли его и швырнули брюхом на пол в проход между кроватями. Это называлось десантированием.

Максим не проронил ни звука, когда с высоты человеческого роста «десантировали» и его. Он не умел группироваться в падении и потому ударился больно. А попробуй возмутиться, сразу избыют до полусмерти. И ничего потом не докажешь.

– Обкатка танком! – снова прогудел «дед».

Максима и других бедолаг затолкали под койки. И тут началось такое! «Деды» как оголтелые начали прыгать с койки на койку. Сетки прогибались под их тяжестью и доставали до спины. Это был суший ад.

Отпустили ребят после полуночи, когда устали сами «деды».

Вторая ночь началась с пинг-понга. Максима согнули раком и изо всех сил наподдали по заду тяжелым табуретом. Он пулей полетел вперед и тут попал в руки второго «теннисиста». И снова удар по заднице. Хорошо еще копчик не сломали.

Третью ночь молодых заставляли ползать по казарме на-

перегонки. Последнего заставляли нырять в тазик с водой. Страшнее издевательства не придумаешь. Но Максима больше не трогали. А все потому, что он умел играть на гитаре и пел так, что заслушаешься. Пока все его товарищи ползали по натертому мастикой полу, он выбивал из гитары браваурный марш и нечеловеческим голосом орал: «Все выше, и выше, и выше!» Впрочем, это куда лучше, чем стирать пузо до крови.

Вдоволь наиздевавшись, «деды» скомандовали «отбой», и все молодые пулей разлетелись по своим койкам. Максим остался на своем месте. Ему велели играть и петь колыбельную из передачи «Спокойной ночи, малыши!». И он играл. Потом исполнял песни для души, о сопливой любви. Отпустили его, когда все «дедушки» заснули.

Молодых гоняли стадом по казарме не каждую ночь. Но Максим развлекал «дедов» всегда. В ту ночь он исполнял песни из репертуара «Кино».

– Капля крови на рукаве, – высоким хриловатым голосом пел он, подражая Виктору Цою. – Мой порядковый номер на рукаве.

Его слушали внимательно, не перебивали.

– Пожелай мне удачи в бою.

– Во, бля, Бугай явился! – заорал кто-то.

В одно мгновение Максим был забыт. «Деды» повскакивали со своих мест и бросились к солдату, чья мощная фигура нарисовалась на входе у тумбочки дневального.

Максим взглянул на вошедшего. И вздрогнул.

Они с Мариной гуляли по городу, когда перед ними затормозила роскошная белая «Волга» тридцать первой модели. Из нее вышел молодой человек в темных очках и светлых брюках. Статный, приятной наружности, модно одетый. От него здорово пахло деньгами.

С другой стороны машины вышел высокий парень – косая сажень в плечах.

Марина посмотрела на него и захлопала глазами.

– Толик, – протянула она.

– Девятнадцать лет уже Толик, – не слишком любезно ответил парень и покосился на Максима.

– Ты вернулся? Совсем?

– В отпуск, – подойдя к ней, буркнул он.

Молодой человек в очках остался стоять у машины.

– Я рада, – она отступила на шаг.

– Рада, да не очень, – набычился он. – Я, понимаешь ли, в армии, а ты с каким-то хмырем любовь крутишь.

– Ты потише, – нахмурился Максим.

Его руки и ноги налились свинцом. Стало тяжело дышать. Телом завладел предательский мандраж, но он превозмог себя.

– А ты заткнись! Тебя, урод, не спрашивают!..

– Толик, ну не надо, – Марина встала между ними.

– Мне тут кенты накатали, что ты с этим козлом гуляешь. – Лицо у Толика стало красным от злости. – А ты ведь

меня из армии ждать обещала.

Толик Бугаев был влюблен в Марину. Она сама об этом рассказывала. Бегал за ней по пятам. Жить, мол, без тебя не могу. Она его терпела, только в руки не давалась. А потом он ушел в армию. Думал, она будет его ждать. Но она никогда не принимала его всерьез.

– Я ничего тебе не обещала.

И это было правдой.

– Да неужели?

– Толик, уйди, я прошу тебя!

– Эх ты, а я-то думал... Сука!

– Она не сука! – Максим отодвинул Марину в сторону и встал лицом к лицу с наглецом.

– Да я тебя...

Максим ударил первым. Он бил Толика не глядя, по чему попало. Но кулаки достигали цели. Правда, удары были не очень сильными.

На какое-то время Толик даже растерялся от такой прыти. Не ожидал он подобного натиска от неоперившегося юнца с красивым словно у женщины лицом. Но когда оправился от неожиданности, Максиму пришлось туго. Сильный удар в солнечное сплетение согнул его в три погибели. Резкая боль, дышать невозможно. И тут же удар коленкой в лицо.

Максим упал на спину, но быстро вскочил. Все перед ним было как во сне. Только боль и шум в ушах напоминали о суровой реальности. Он надвигался на Толика, как зомби. Пы-

тался достать его кулаком, но тут же мощный удар с прыжка в голову опрокидывал его на землю. Его били со страшной силой. По всем законам, он уже давно должен был валяться в отключке. Но он все поднимался и бросался на врага. И снова получал.

Где-то далеко-далеко отозвался вой милицейской сирены. И все прекратилось. Максима перестали бить, и он потерял сознание.

Очнулся он только в больничной палате. Рядом с ним сидела Марина. Лицо его было забинтовано.

– Напугал ты меня, глупый, – рука Марины прошлась по его волосам. – Два часа без сознания был. К счастью, переломов нет.

– И без того хорошо досталось.

Максиму трудно было говорить, болела выбитая челюсть.

– Нашел на кого с кулаками бросаться. Толик семь лет боксом занимался. Мастер спорта. И в спецназе служит уже целый год.

– Я правильно сделал, что врезал ему.

– Ты молодец, Макс. Только драться ты не умеешь.

– Научусь.

– Конечно, научишься.

Марина смотрела не на него, а куда-то в сторону. О чем она думает? Или о ком.

– И набью морду этому Толику.

– Толика милиция забрала. Тебя в «Скорую помощь», а

его в милицейскую машину.

– А вот этого я не хотел.

В глазах у Максима не было ни тени злорадства.

– Но так вышло. Ничего, может, все обойдется.

– Все может быть.

– Ладно, я пошла, уже поздно, почти двенадцать ночи. Родители волнуются.

– Как же ты так поздно домой?.. Пошли вместе.

Чего он будет валяться в больнице, если у него ничего не сломано?

– Тебе нельзя. Да ты и не волнуйся за меня. Меня подвезут.

– Кто?

– Олег.

– Какой Олег? – нахмурился Максим.

– А тот, который с Толиком на «Волге» был.

Он вспомнил, как смотрела Марина на молодого человека в темных очках. Внутри что-то тоскливо сжалось.

Он и Марина любили друг друга. Он хотел жениться на ней, но она к замужеству не стремилась. А ведь им было хорошо вместе.

– Чего это он вдруг тебя подвозить вздумал?

– Я его не просила.

– Да какая разница, просила ты или нет? Я спрашиваю, почему ты едешь с ним?

– Макс, не будь ребенком, – Марина наклонилась к нему

и легко коснулась губами его щеки. – Пока!

Максима ослепила вспышка ревности, но он сдержался, не дал воли чувствам. И вообще, его домыслы просто смешны и нелепы. Кроме него, Марине никто не нужен.

На следующий день к нему пришел молодой лейтенант из милиции. Еще совсем сырой, но чуть не лопается от важности. Чего ему надо?

– Вчера вас избил некий гражданин Бугаев. У вас, как я понял, сотрясение мозга.

Легкое сотрясение мозга, хотел поправить его Максим. Но промолчал.

– Налицо факт нанесения телесных повреждений. Если от вас поступит заявление, мы привлечем гражданина Бугаева к уголовной ответственности. Вы будете подавать заявление?

– Нет, – покачал головой Максим. – Я сам во всем виноват, полез на рожон.

– Да? Ну, тогда у меня к вам вопросов нет, – облегченно вздохнул лейтенант.

Видно, не очень-то хотелось ему возиться с «неким гражданином Бугаевым».

В тот же день Толика выпустили из камеры предварительного заключения, но в часть, где он служил, телегу накатали.

Только это было давно и как будто в другой жизни.

– Бугай из отпуска прикатил, – услышал он за спиной голос «деда».

Не все, значит, бросились обниматься с Толиком.

– Везет чуваку, – отозвался второй голос. – На конкурсе первое место взял, домой отпустили. А ведь «замполлитр», мать его за ногу, грозился его дальше ворот КПП не отпускать.

– Ну да, в прошлый раз он в отпуске хрена одного отмудохал. Еле-еле от ментовки отмазался.

Хрен – это он, Максим.

Столпотворение вокруг Толика пошло на убыль.

– Эй! – заорал на Максима кто-то. – Чего остановился? Играй!

– А у нас тут че, музыкант, блин на хрен, нарисовался? – загоготал Толик.

Он был, похоже, навеселе. Дослуживал последние месяцы, ему все можно.

– Да чувак тут один, козырно, бля, играет. Слушай, Бугай, да он же твой зема, гадом буду. Из Грибовска. Точно, из Грибовска!

– Да ну! – Толик подошел к Максиму и в упор посмотрел на него.

Его глаза хищно сузились. Конечно же, он узнал его. Максим даже приготовился отбить удар, если получится.

Толик молчал. В его глазах отразилось тугое напряжение мысли. Наконец он сказал:

– Да это, бля, мой лучший кореш! – Он выхватил из рук Максима гитару, небрежно отбросил в сторону и полез обниматься. – Любого урою, кто хоть пальцем его тронет!

Максим думал, что он придуривается. Пригрел, чтобы больнее потом ужалить. Но нет, Толик на самом деле принял его.

– А ты ничего себе пацан, – сказал он ему, когда они вышли в морозную ночь покурить.

Максим теперь был на особом положении среди себе подобных. Его «крыл» сам Бугай.

– Правильно сделал, что в рыло мне насунул. Зря я тогда Маринку сукой назвал.

Толик невесело вздохнул:

– И заяву ты на меня не накатыл. Ценю. Тебе Маринка пишет? – спросил он и как-то странно на него посмотрел.

– Пишет, а что?

Марина писала ему. Но письма стали приходиться все реже и реже. А ведь они всего два месяца как в разлуке.

– Да так, ничего.

Максиму показалось, что Толик отвел взгляд.

– Видел я ее, – грустно усмехнулся он. – Привет тебе передавала.

– Она же не могла знать, что мы в одной части, – настояжился Максим.

– Да, точно, не могла. Ну ладно, не передавала. Забудем о ней.

Максим не понял, почему он должен забыть о Марине. Но спрашивать об этом не стал.

– Я через пару-тройку месяцев дембельнусь, – сказал Бу-

гай. – Но ты не ссы, тебя и после этого никто пальцем не тронет. Мои кореша тебя, если вдруг че, прикроют.

Неужели он не будет больше стирать чьи-то портянки и трусы, стоять вместо кого-то в карауле всю ночь напролет?..

– Спасибо.

– Вот и отлично. На гражданке, я так думаю, мы друг другу понадобится. – Бугай думал о чем-то своем. – Ты это, здесь, типа, времени даром не теряй. В рукопашке надрачивайся, со стволов палить учись, мины там всякие, фугасы. Из тебя, если ты этого очень захочешь, суперпрофи заделают, без базара. Короче, чтобы все было ништяк.

Максим не знал, зачем ему становиться каким-то суперпрофи. Тем более зачем это нужно Толику. Но он знал, что обучение у него идет туго.

Бегал он не ахти, всегда прибегал последним. На перекладине подтягивался на двойку. В рукопашном бою не делал ровно никаких успехов. И стрелял неважно, мягко говоря. Как ни старался, не мог продвинуться вперед ни на шаг. Как будто заговорил его кто.

Командир взвода пригрозил ему сегодня, что переведет его в другое подразделение. Туда, где меньше гоняют. Он бы вроде и не прочь, да обидно будет до слез, если ему под зад коленкой. Нет, он будет бороться до последнего.

Подполковник Желудев принимал батальон под свое командование, с ходу стараясь вникнуть во все дела.

Двадцать лет он отдал армии. Закончил Рязанское десантное училище, принял взвод, через год роту, еще через два – дорос до начальника штаба батальона. Старший лейтенант на майорской должности – отличный старт для блестящей карьеры. Но, увы, прошло восемь лет, а он все оставался начальником штаба. И служил ведь неплохо, в отличниках боевой и политической подготовки числился. В 1986-м его отправили в Афганистан. И только там он принял батальон, разведывательный. Через два года вернулся на Родину с тремя орденами. И снова батальон. Сейчас он принимает новую должность, и снова батальон. А ведь он и академию закончил, правда, заочно.

Ладно, пусть будет батальон, тем более отдельный, да еще особого назначения. Тем более в Ленинграде, на окраине которого дислоцировалась часть, ему светила квартира. А пока пристанищем ему служила трехкомнатная служебная квартира на территории части. Очень даже ничего для семьи из трех человек: он, жена и дочь Ольга. Девчонка совсем большая, шестнадцатый год, учится в десятом классе. И школа, кстати, неподалеку от расположения части есть. Будем считать, что устроился неплохо.

Прежний командир держал батальон в кулаке. Много заслуг на его счету. Боевую подготовку в особенности поднял на высоту. Только вот с неуставными взаимоотношениями не больно-то боролся. Но ничего, разгребем.

– Разрешите, товарищ подполковник? – К нему в кабинет,

постучавшись, вошел командир второй роты.

– Проходите, садитесь, – Желудев показал капитану на стул.

– Да я ненадолго.

– Какие проблемы?

– Да так, пустяк. Боец у меня один есть. Рядовой Катанов, первого года службы. Три месяца всего у меня в роте, а вот уже где у меня сидит! – Ротный провел ребром ладони по горлу.

Достал беднягу солдат.

– Что, дисциплина?

– Да если бы! Отстающий он. Проверку за зимний период обучения на одни двойки сдал. Показатели сбивает.

– Учить надо.

– Да что я только не делал. Индивидуально занимался с ним, старослужащих на него натравливал – и ничего. Да он, кстати, и сам переживает. Из сил выбивается, не хуже других хочет быть. Только не получается у него. Слишком сложная для него программа.

– Что вы «дедов» на первогодка натравливали, это вам, капитан Чеботарев, в упрек, – Желудев наморщил лоб. – Дедовщину вы у себя в роте развели... Но это уже другой разговор. Итак, что вы предлагаете делать с рядовым Катановым?

– Перевести его нужно куда-нибудь в другую часть. Я уже старому командиру предлагал. Да он не соглашался.

– И правильно делал. Как у этого Катанова со здоровьем?

– Здоров как бык. У нас других и не держат.

– Это верно... Лишь бы солдат был здоров, а война из него сделаем. Не можешь – научим. Или не так?

– Да вроде так.

– Это позор для нас, если мы от двоечников избавляться будем. Давайте сюда вашего Катанова, я с ним поговорю.

Где-то через час Желудев разговаривал с Катановым.

Солдат был достаточно высокого роста, метр восемьдесят, не меньше. В плечах, правда, не очень широк, но и не задохлик какой-нибудь.

– Капитан Чеботарев на вас жалуется, товарищ рядовой. Чем вы это объясните? – без предисловий начал подполковник.

– Не знаю, – обреченно вздохнул боец.

Но не смутился, не застеснялся, не покраснел. Ничего будет мужик, хоть и похож красотой на девушку.

– А кто знает?

– Да я, товарищ подполковник, чего только не делаю, чтобы не быть отстающим. Но только не могу я бегать, и тридцать раз подтянуться не могу, и стреляю слабо. А ведь я стараюсь. Видно, рожденный ползать – летать не может.

– Если ему не приделать крылья.

Хочет парень стать настоящим солдатом, да не получается у него. Но, как говорится, главное желание, а остальное приложится.

– В общем, так, рядовой Катанов, я лично займусь вами.

– Да бесполезно. Мною и капитан Чеботарев пытался заняться, и старший лейтенант Торадзе, – отводя в сторону взгляд, сказал боец. – А еще сержант Бугаев.

– Сержант Бугаев, говоришь? – улыбнулся Желудев. – Тот, который в прошлом и в этом году первые места на смотре-конкурсе бойцов армейского спецназа занимал?

– Он самый. Мы с ним земляки. С гражданки друг друга знали.

– Вон оно что! Но ничего, ты тоже первые места на конкурсах занимать будешь. Вот увидишь. Есть у меня специальный инструктор-методист. Он займется тобой индивидуально...

Подполковник Желудев принимал до необычности странное решение. Но оно ему казалось единственно правильным и действенным. Вывести рядового Катанова в число отличников боевой подготовки для него уже стало делом чести.

Ольга Желудева возвращалась из школы. Она сдала последний экзамен за десятый класс. Теперь у нее впереди целых три месяца каникул, а потом уже последний, одиннадцатый класс.

Это была ее пятая по счету школа. Сколько она себя помнила, отец всегда куда-то переезжал. И они с матерью за ним. Жизнь военного – это постоянная смена мест службы. Оля уже к этому привыкла.

Батальон, которым командовал отец, находился на самой

окраине города. Чтобы туда попасть, нужно было пройти через овраг, заросший высоким кустарником. Там частенько собирались какие-то мужики, любители выпить. Она уже знала их в лицо. Они всегда смотрели на нее, когда она проходила мимо. Переглядывались между собой, но не трогали. Даже если бы захотели тронуть, то побоялись бы. КПП части всего в ста метрах. Там дневальные – только увидят, что к дочке командира пристают, вмиг прибегут. И тогда этим алкашам худо будет.

– Эй, милая, иди к нам! – пьяно прогнусавил верзила с красным носом, вдруг оказавшись в двух шагах от нее.

Значит, не боятся они солдат. Да их и не видно что-то.

– Такая красивая девочка, – прогудел у нее над ухом еще один.

Ольга не считала себя красивой. Ей уже шестнадцать, а выглядит она почти подростком. Высокая, костлявая, косички смешно торчат в разные стороны, рот большой. Странно, но это уже не первый случай, когда ее называют красивой.

– Давай, выпей с нами. А потом ваще давай, – гнусно хихикнул верзила.

И положил руку ей на плечо.

Не видно солдат. Не помогут они ей. Ну ладно, без них обойдемся.

Худенькая Олина ладошка легла на руку верзилы.

– Погладь меня, пташка, погладь, – дыхнул он на нее перегаром.

И тут же сморщился от боли.

Эта худенькая девочка с косичками превратилась вдруг в дикую кошку. Или, лучше сказать, в стальную пружину, которая, разжимаясь, больно бьет.

Ольга захватила руку верзилы, резко развернулась вокруг себя, взяла его на болевой прием и ударила пяткой в ступню. От болевого шока пьяница потерял сознание. Второго она достала мощным ударом ноги в коленную чашечку. Отскочив в сторону, добавила второй ногой в пах.

Пока второй алкаш корчился на земле от боли, Ольга нащупала пальцами точки на шее первого. Она умела не только «выключать», но и приводить в чувство.

Отец всегда хотел иметь сына, но родилась дочь. Он не унывал – стал воспитывать ее как сына. С малых лет учил рукопашному бою, возил с собой на полигоны – она умела стрелять из пистолета, автомата и даже из гранатомета. И стреляла так, что даже офицеры ахали. В рукопашном бою она, наверно, не хуже отца, хотя всерьез с ним ей тягаться еще рановато. Отец называл ее гением и гордился ею.

Дневальные с КПП подбежали к ней, когда она уже отходила от двух побитых бедолаг. Теперь будут думать, с кем связываться. Солдаты смотрели на нее круглыми глазами. Трудно было ждать от неказистой на вид девчонки такой прыти.

– Ну ты и даешь! – восхитился один из дневальных, шкафообразный детина, явно из старослужащих.

– Я никому и ничего не даю! – срезала его Ольга.

И мельком глянула на второго.

Ее сердце вдруг сжалось, дыхание перехватило. Таких красивых парней, как этот солдат, она еще не видела. Черноволосый, синие глаза... Обалдеть можно.

Она с трудом оторвала взгляд от красавца солдата и пошла прочь. Направляясь к КПП, она шла впереди него, но он стоял у нее перед глазами. Наваждение какое-то...

Вечером в восемь часов вернулся со службы отец. Рановато. Обычно он возвращается часов в десять. Может, пришел только на ужин? Штаб совсем рядом, в двух шагах.

– Ну как экзамен? – весело спросил он, усаживаясь за стол.

– Пятерка, – в тон ему отозвалась Ольга.

– Молодчина! Так держать! Каникулы?

– Угу.

– Чем собираешься заняться?

– Не знаю.

– Зато я знаю. Помогать мне будешь?

– Так точно, товарищ полковник!

– Не льсти. Я всего лишь подполковник.

– Так точно, товарищ подполковник. А что делать нужно?

– Инструктором будешь. Солдат гонять все лето.

– Да ну, – недоверчиво протянула Ольга. – Ты шутишь.

Она привыкла быть всегда при отце. Довольно часто он ставил ее в один строй вместе с солдатами. Она бегала вместе

с ними, стреляла, отрабатывала приемы, училась устраивать диверсии. Но чтобы учить самой...

– Я серьезно, – отец уже не улыбался. – Есть у меня один боец. Не идет ему впрок учение, тормоз в нем какой-то. Не дает он ему идти вперед. К нему нужен индивидуальный подход. И не только инструкторский, но и психологический. А вот если его будет учить какая-то сопливая девчонка, его, здоровенного лба...

– Это ты про меня?

– Насчет здоровенного лба?

– Да нет, насчет сопливой девчонки.

– Ну, это он так будет думать.

– Я ему подумаю!

– Вот, это мне уже нравится. Правильно, Ольга, ты его сразу в ежовые рукавицы бери. Чтобы и пикнуть не мог. Сумеешь?

– Постараюсь.

Перспектива обучать отстающего бойца ее обрадовала. Она не подведет. У нее есть чему поучиться.

Только кто он, этот солдат? Перед мысленным взором замаячило лицо красавца дневального.

– Все лето будешь заниматься с ним. В приказ я тебя отдавать, разумеется, не буду, но местами для проведения занятий обеспечу. И с патронами для стрельб проблем не будет. Сколько надо, столько и получишь. Да смотри, солдат красивый, а ты у меня девка справная.

– Ты это серьезно? Думаешь, как бы чего не вышло?

– Да нет, я на тебя надеюсь.

– Вот видишь! А насчет справной девки ты это зря. Кому я нужна, такая некрасивая?

По ее личному мнению, она даже симпатичной не была. Но никогда по этому поводу не комплексовала. Но сегодня ей захотелось быть красивой. Неужели влюбилась?

– Это ты напрасно, – покачал головой отец. – Ты у меня сейчас гадкий утенок, но скоро станешь прекрасным лебедем.

На Ольге была военная форма – десантный камуфляж. Целых два дня с ней возилась, чтобы подогнать на себя. И волосы остригла, чтобы они из-под берета не выбивались. На ногах изящные полусапожки на низких каблуках, начищены до блеска. На командирском ремне – кобура, в ней отцовский табельный «макаров». Сразу видно, отец подошел к делу всерьез.

Она стояла с ним на стрельбище. Рядом выполнял упражнение из «АКС» взвод второй роты. На целый день им работы. Пока десять цинков патронов не расстреляют, не уйдут. Это не ПВО какая-нибудь, где стреляют раз в месяц по три патрона. Это спецназ, самый крутой. Американские рейнджеры и рядом не стояли.

– Рядовой Катанов! – скомандовал отец. – Ко мне!

От строя отделился тот самый красавец солдат. Значит,

предчувствия Ольгу не обманули. Ей стало трудно дышать.

– Товарищ подполковник, рядовой Катанов по вашему приказанию явился! – отрапортовал солдат.

– Вот, знакомьтесь, Ольга Желудева, – официально представил отец. – Ваш инструктор.

Только сейчас боец взглянул на нее. Ни одна черточка не дрогнула на его лице. Как будто он уже знал, кто будет заниматься с ним. Зато она почувствовала, как запылала щеки.

– Рядовой Катанов, – сказал он. – Максим.

Ольга автоматически протянула ему руку.

Вместе с отцом и Максимом она как во сне шла к стенду для стрельбы из пистолета. Все плыло перед глазами.

– Ну все, не буду вам мешать, – сказал отец, когда они остановились под навесом. – Выполняйте упражнение.

И он исчез. Понимал, что его присутствие будет мешать делу. Слишком уж необычная ситуация.

На столе стоял вскрытый цинк, в нем двадцать коробочек с патронами, запас на сорок обойм. Ольга достала одну, вскрыла, вынула из кобуры пистолет, набила магазин патронами. Только после этого заняла свое место, сама себе командовала «заряжай», а после – «к бою». Правила обращения с оружием она помнила назубок.

Во рту было сухо, глаза застилала пелена, рука дрожала. Неужели можно так сильно волноваться?

Восемь выстрелов прозвучали с интервалом в одну секунду. Когда мишени со скрипом подъехали к ней, она чуть не

лопнула со стыда. Всего два попадания. Семерка и восьмерка.

– Гм, – услышала она за спиной.

Этим «гм» ей подписывали приговор. Как же она будет учить солдата, если сама ничего не умеет? Но она же умеет!

– Надо еще раз попробовать, – словно успокаивая, сказал ей Максим.

– Да, надо, – кивнула она.

И снова зарядила пистолет.

«Никакого Максима нет. Никакого Максима нет!.. Никакого Максима нет!.. Никакого Максима нет!!!» Она привела в порядок мысли, настроила дыхание, успокоила руку. Пистолет в ладони превратился в кусок легкого пенопласта.

Все восемь выстрелов уложились в четыре секунды. На этот раз все пули легли точно в десятку. Даже отец стрелял не лучше, чем она.

– Не может быть, – в голосе Максима звучало неподдельное восхищение.

– Может, рядовой Катанов, – строго ответила она. – Может.

Пусть и не совсем официально, но она инструктор. Красавец он там или нет, любит она или ей это так только кажется, Максим у нее в подчинении.

– Двух пьянчуг ты завалила. Ну это я еще как-то могу понять. Но так быстро стрелять! Да еще в десятку.

– Я еще не то могу, – гордо вскинула она голову.

– Верю.

– А теперь к барьеру, – шутливо скомандовала она.

Максим зарядил «ПМ», взял его на изготовку.

– Пистолет как смычок в руках скрипача, – говорила ему под руку Ольга. – Ты не должен его чувствовать – таким он становится легким. Зато он должен чувствовать тебя и подчиняться не только твоим движениям, но и мыслям. Ты и оружие – одно целое.

Так учил ее отец. Оружие, оно живое. Люби его, и оно никогда тебя не подведет. Ее оно никогда не подводило. Только сегодня, один раз.

Максим расстреливал патроны медленно, с расстановкой. А результат был удручающим. Одна десятка, две девятки, три восьмерки, четыре семерки.

Но он радовался. Оказывается, он еще ни разу не попадал в десятку. Хоть это утешало.

Пять месяцев учили Максима до того, как за него взялась Ольга. Кое-что он умел. Вот, например, рукопашный бой. Он знал стойки, умел бить рукой, высоко задирать ногу. И с ножом умел обращаться. И защищаться от него. Но это только видимость. На самом деле перед серьезным противником он был бессилен.

– Ты можешь знать все «ката» в карате, крутить их как бог. Ты можешь эффектно махать руками, замахиваться ногой в голову. Но все это ерунда, – говорила ему она. – В бою

нужно не бить, а уничтожать (как будто она уже побывала в этом самом бою!). Для этого достаточно знать всего несколько ударов и приемов, но владеть ими нужно в совершенстве.

Ольга показала ему несколько болевых точек на теле человека. Научила, как и чем бить в каждую. Максим старательно следовал ее наставлениям.

Каждое утро, за час до подъема, они бегали по десять километров в одну сторону и столько же – обратно. Он уставал до чертиков. В часть не прибегал, а приползал. Но ни разу не захныкал. Еще чего, он же мужчина!

Стреляли они каждый день, по три часа, не меньше. Максим делал успехи. Из пистолета и автомата он поражал все мишени, и достаточно быстро.

И вообще не зря отец приставил ее к нему. Она не только учила его, но и действовала на него психологически. Солслуживцы втихаря посмеивались над ним. Как же, девчонку ему в репетиторы взяли. Смехота! И он, преодолевая себя, собирал все свои резервы, чтобы мобилизоваться, достичь высоких результатов в боевой подготовке. Тогда командир избавит его от своей дочери.

Ольге было понятно состояние его души. Она обижалась, но не очень. Мужчина есть мужчина, ему неприятна опека женщины. Особенно той, которая тебе чужая. А она для него оставалась чужой все три месяца.

Он не стремился поговорить по душам, сблизиться с ней. Он беспрекословно выполнял все ее указания, и не более то-

го. Он уважал ее, но не видел в ней женщину. Для него она была не более чем инструктором. Но Ольга не отчаивалась. Она уже знала, что любит его, и верила, что он когда-нибудь ответит ей тем же. Времени для этого более чем достаточно. Максим прослужил всего полгода, впереди еще полтора.

Заканчивалось лето. Скоро снова в школу. Будут учить ее, а не она. Сегодня у нее последнее занятие с Максом.

Он выстрелил из «макарова» восемь раз с интервалом в одну секунду. Шесть пуль легли в десятку, две в девятку. Великолепный результат для солдата первого года службы.

– Ну как? – с гордостью за себя спросил он.

– Отлично, – натянуто улыбнулась Ольга.

Он был рад, что занятия с ней пошли ему на пользу. Но тем не менее хотел побыстрее избавиться от нее.

– Спасибо тебе, – искренне поблагодарил он ее. – Ты хороший учитель. Я многим тебе обязан. Я теперь не хуже других. Даже лучше...

– Ты будешь лучше всех, я уверена в этом.

Отец боялся, хотя и скрывал это, как бы Максим не совратил ее. Но она-то умела понимать недосказанное. Эх, если бы Максим на самом деле попытался совратить ее! Ей было стыдно, но она хотела отдаться ему. Разве она недостаточно взрослая?.. Но Максим по-прежнему не замечал в ней женщину.

Может быть, она когда-нибудь и станет прекрасным лебедем, но пока остается гадким утенком.

Наступила осень, за ней – зима, весна. Следующая осень – лето.

Максим делал успехи. Он стал лучшим в части. Никто не мог стрелять так, как он, бегать, преодолевать препятствия, ставить мины. Батальон не раз забрасывали глубоко в лес, без теплой одежды, почти без продовольствия. Это была борьба за выживание. И Максим всегда оставался на высоте положения. Он безукоризненно выбирался из всех ловушек сам и выводил за собой других. На местности ориентировался просто превосходно, а в рукопашном бою был на голову выше всех своих товарищей. И неудивительно, что по весне на конкурс бойцов армейского спецназа в масштабе бывшего Союза отправили его. И он вернулся победителем.

Ольгин отец гордился им. Ведь он, по сути, был ее воспитанником. В награду за высокие достижения Максима отпустили в краткосрочный отпуск с выездом на родину.

Вернулся он мрачнее тучи. Ольга попыталась заговорить с ним, но он даже не взглянул на нее.

– Девчонка его замуж за другого вышла, – объяснил ей Виталик Зимин, приятель Максима.

Он думал, что она вправе знать это. Как-никак, а ее до сих пор продолжали считать его наставником, даже другом.

Ольге стало не по себе. Оказывается, у Максима была девушка, которую он любил, а она об этом даже не знала. Хотя это не должно быть для нее неожиданностью. Он парень

видный, у него просто не может не быть подруги.

Только подруга его предала, вышла замуж за другого.

На губах у Ольги невольно заиграла злорадная улыбка. И хорошо, что Максима бросила его подружка. Хорошо, что он никому больше не принадлежит. Он будет принадлежать ей. Уж она-то его никогда не бросит.

Только будут ли они вместе?

Летом 1993 года Ольга поступила в институт физкультуры. Это казалось ей единственно правильным решением. Что-что, а в физическом отношении она достаточно развита. И даже внешне это уже заметно.

За последние месяцы она поправилась, исчезла угловатость, груди стали большими, упругими. А волосы у нее, оказывается, роскошные, не хуже, чем у красоток из рекламы шампуней. И лицо совсем не уродливое. Даже красивое. И глаза красивые. Кожа нежная, матовая. Ольга даже залюбовалась собой, глядя в зеркало. Обворожительная шатенка с идеальной фигурой. Да, наконец-то она превратилась в прекрасного лебедя. Прощай, гадкий утенок!

Она не удивилась, когда ее сокурсники наперебой начали ухаживать за ней. Назначали свидания, дарили цветы. Но ее никто не интересовал, кроме Максима, который, казалось, не замечал ее.

Максим уволился в запас в середине ноября. Она узнала об этом, когда он уже получил расчет и покинул расположе-

ние части. Он даже не попрощался с ней.

Ольга проплакала всю ночь. Не ожидала она от него такого невнимания.

Утром она шла от трамвайной остановки к своему институту через сквер. Тихо шуршала под ногами опавшая листва. Навстречу ей прошел мужчина и обернулся ей вслед. В распахнутом плаще поверх свитера с высоким воротом и в короткой юбочке она выглядела очень даже привлекательно, особенно хороши ноги.

Кто-то сзади легонько тронул ее за плечо. Она обернулась и увидела Максима. Он был в военной форме: пятнистый бушлат, голубой берет, полусапожки. Но Ольга видела только пышный букет цветов у него в руках. И улыбку на лице. И это все ей.

Дальше все происходило как в сказочном сне.

– Я понял, что мне нужна только ты. Ты самая красивая. Мне нужна только ты.

Голова у Ольги кружилась, сердце так и прыгало.

– Я люблю тебя, Максим, – прижимаясь к нему со счастливой улыбкой, прошептала она.

А потом была какая-то гостиница, дешевый номер на двоих. Она пропустила занятия, но ей даже не пришло в голову об этом жалеть. Какой может быть институт, когда она с Максимом?.. Она забыла про все на свете.

Едва закрыв за собой дверь, Максим припал к ее губам. Она ответила ему. Они целовались долго, ей было так хо-

рошо. Он нежно гладил ее, будоража кровь. Ольга даже не заметила, как сама начала расстегивать пуговицы на форме Максима. Делала это быстро, но неловко. Она торопилась. Ей не терпелось слиться с ним в одно целое. И ей нисколько не было стыдно. Отдаться любимому человеку – что может быть естественней?

Ей было немного больно, когда Максим входил в нее, но затем боль прошла. Ей на смену пришло ощущение дикого восторга. Что-то твердое двигалось внутри ее, не знала она, что это может доставлять столько блаженства...

Максим обращался с ней нежно, был ласков. Делал все неторопливо, растягивая наслаждение, а Ольге хотелось натиска, быстроты, резкости. В ней сейчас словно ожила дикая кошка.

Кошка. Не зря отец ее так иногда называл. Она умела быть резкой, непредсказуемой и опасной, как кошка. Нюх на опасность в ней был развит необыкновенно.

– Ты знаешь, я ведь раньше к тебе всерьез не относился, – сказал Максим, немного отдохнув. – Уважал тебя – это да. Ты же у нас девочка-суперкласс. Но как женщина ты для меня была ноль.

Мог бы и не рассказывать. Она и сама это знала.

– Зато ты мне нравился всегда.

– Я знаю. Потому ты и стала такой. В общем, понял я, что для меня ты все.

– А как же твоя девушка?

– Какая девушка?

– Та, которая замуж за другого вышла.

Ольга вспомнила, каким он был после отпуса.

– Откуда ты об этом знаешь? – Максим даже удивился.

Думал, что сохранил это в тайне от всех. Только Виталику, дружку своему, и поведал.

– Да сказали.

– Понятно, – невесело усмехнулся он. – То, что знают двое, знают все.

– Ты любил ее? – спросила Ольга.

– Марину?.. Да, любил. Но теперь уже нет. Давай не будем о ней.

– Как скажешь.

– Я завтра уеду, – сказал он и нежно коснулся губами ее уха.

По телу снова разлилась волна желания.

– Я хочу с тобой, – прошептала она.

– Не надо. Я сам приеду к тебе. Санкт-Петербург – город большой, красивый, не то что наш Грибовск. Мне здесь нравится.

– Когда ты приедешь?

– Да через месяц, не позже. С бабушкой нужно побыть хоть немного. Она ведь у меня одна, больше родных нету.

Ольга знала, что Максим потерял родителей.

– Я буду тебя ждать.

– А куда ты от меня денешься? – рассмеялся он и нава-

лился на нее всем телом.

Ей приятно было ощущать на себе его тяжесть.

Глава вторая

Четыре года прослужил Фюрер в доблестной Советской Армии, хрен бы ее побрал. Два года в строю и столько же – в дисбате. Козла одного молодого с корешами покалечили, всем срок навесили.

Домой вернулся в девяностом первом. И сразу к пацанам своим. Заждались они его.

Крепкую он сколотил когда-то команду. Почти два десятка пацанов у него было. С детских лет по дворам со всей округи их собирал. Банда Робина Гуда, племя индейцев-апачей, затем батальон дивизии СС «Мертвая голова». Для него это было всего лишь игрой, но в этих играх его команда крепла, пацаны учились подчиняться ему беспрекословно. И главное, отсеивался всякий мусор. Оставались только самые стойкие, самые преданные.

Где-то года за два до армии Фюрер устроил в своем подвале «качалово». Штанги, гири, снаряды самопальные. Крепко качались, все Шварценеггерами хотели быть. Сам он, конечно, тоже качался. И в армии он мышечную массу наращивал, и в дисбате удавалось форму поддерживать. И на гражданке за собой следит. Сейчас на него даже страшно смотреть. Здоровый как бык, руки с бревно толщиной, грудь колесом, мышцы так и выпирают. Любого в бараний рог свернет.

Тогда, два года назад, он вернулся в свой подвал. А там

Мюллер, Адольф, Жук, Короб, Гиммлер, Мурзила, Лабаз, Эсэс, Сантер, Воняло, Шмайсер силу свою качают. Почти вся команда в сборе. Все после армейки, всем за двадцать. Каждый работает где может, никто не женат, за хибот никто не держит. С такими пацанами грех было не начать великое дело.

А дела его ждали и в самом деле великие. Грибовск – городок аграрно-промышленный. Со всего региона сюда свозят молоко, мясо, фрукты, овощи. Три мясо-молочных комбината, два перерабатывающих завода. У всех есть работа, все неплохо зарабатывают. А еще рынок колхозный здесь самый крутой, из соседних районов сюда и торгаши едут, и покупатели. Большие деньги здесь крутятся. Но и это все не самое главное. Два рыбколхоза здесь крупнейших. Осетров добывают, черную икру, а это живая валюта, крепче доллара. Богатый город Грибовск, есть здесь чем поживиться.

Собрал Фюрер своих пацанов – и вопрос ребром. Кто не ссыт, тот в банду, кому слабо – пусть отваливает. Только отвалить желающих не нашлось. Рэкетеры живут кучеряво, это ни для кого не секрет. Правда, убивают их немерено. Но так это в Москве, в Питере, а у них город маленький, провинциальный, здесь конкурентов нет. Кто в них стрелять будет?

Действительно, до Фюрера некому было в Грибовске рэкетом промышлять. Блатные были, но так, по мелочовке. Да и жили они каждый сам по себе. Воровали, разлагались под водкой или на игле, а собирались вместе разве что на гуль-

бицах. Так чтобы серьезную организацию составить – нет, до этого не додумались.

И кенты Фюрера до этого не додумались. Так накачались, что вместо мозгов у них мышцы образовались. А ведь могли под началом того же Мюллера рэкет-группу сколотить, и вперед, за бабками. Тогда бы он, Фюрер, после армейки оказался на вторых ролях. Но они тупые. И слава яйцам!

Первым делом Фюрер обложил данью местный, или, лучше сказать, межрайонный, рынок. Стволов ни у кого из пацанов не было. Нечем было «размен» вести, если вдруг что. Но обошлось без инцидентов. Торгаши и кооператоры как будто ждали их, рэкетиров ненаглядных. Когда же они, родненькие, наконец появятся?.. Вот и дождались на свою голову. Круто их в оборот взяли, каждого на карман поставили. Отстег пошел по полной программе. Через каких-то два месяца Фюрер уже на «Ниссане» с правым рулем разъезжал. Он мог бы и на «мерсе» или «БМВ» кататься. Но деньги он не транжирил. На стволы копил. Без стволов в его деле никуда.

Сначала в его арсенале появились обыкновенные «АК-Мы» и два «макарова». Затем партию польских «ГТ» подогнали. Еще через время огневую мощь его «бригады» пополнили два израильских «узи» и пять «лимонок».

Никто не препятствовал Фюреру обкладывать данью новоявленных коммерсантов. Даже когда он со своими пацанами наехал на акционировавшийся мясо-молочный комбинат, никто не дернулся. Накрыл он второй и третий комбина-

ты, перерабатывающие заводы под себя подмял. Все директора исправно платили ему дань.

Но когда он сунулся на рыбколхоз, попытался обложить данью браконьеров, промышляющих красной рыбой и черной икрой, ему пришлось иметь дело с крутыми пацанами. «Рыбная мафия» в Грибовске существовала уже давно, с конца восьмидесятых. Она контролировала большую часть побережья Азовского моря, держала в узде рыбколхозы и браконьеров, а также занималась поставками левого товара в центральные регионы России. Прибыли колоссальные.

Тягаться с Дрезиной, матерым браконьером, заправлявшим рыбными делами, Фюреру было тяжело. Под ним ходило десятка два бойцов, все со стволами. Кроме того, он мог поставить под ружье и кое-кого из браконьеров. А это здоровенные бородатые мужики, кто с обрезом, кто с охотничьим ружьем, кто даже и с автоматом. Такой хипеж наведут, только держись!

Но Фюрер спать не мог спокойно, зная, что кто-то у него под носом ворочает нелегальными миллионами, а ему не перепадает ни копейка. Поэтому он начал укрупнять свою банду, довел ее до трех десятков «пехоты». Арсенал пополнил. Даже гранатомет у него на вооружении появился. И настал тот день, когда у Сешского лимана сошлись две «бригады», его и Дрезины.

Против трех десятков Фюрера Дрезина вывел четыре. Ожидалась грандиозная бойня. Миром враждующие сторо-

ны договориться не смогли. Каждый хотел держать рыбо-икорный рынок под своим единоличным контролем. Когда слова были исчерпаны, в ход пошло оружие.

Стреляли из автоматов, пулеметов, помповиков, обрезов, даже из арбалетов – секретного оружия браконьеров. Палили из гранатометов, швыряли друг в друга «лимонки». Стороны несли большие потери.

Наконец гранатой оторвало голову Дрезине, и это решило исход битвы. Его «пехотинцы» и браконьеры дрогнули и стали рвать когти. Фюрер велел догонять их и бить в спину.

Фюрер потерял девятерых убитыми. Но игра стоила свеч. Теперь рыбо-икорный рынок Дрезины целиком принадлежал ему. Теперь он будет контролировать добычу и сбыт драгоценного товара.

Менты сработали оперативно. Вызвали отряд ОМОНа и повязали всех его бойцов. И самого Фюрера в их числе. Месяца два мурыжили их в областном следственном изоляторе. Как-никак больше двадцати трупов на них. Только попробуй разберись, кто в кого стрелял. Да и от стволов вовремя избавились. А тут еще целая армия адвокатов к делу подключилась. Короче говоря, менты остались с носом. Машина правосудия отхаркнула Фюрера и его бандитов как неудобоваримую вещь.

С тех пор Фюрер властвовал в Грибовске и его окрестностях безраздельно. Рэкет и контроль за рыбо-икорными потоками – на этом он делал большие деньги. И жил в полное

свое удовольствие.

Роскошный двухэтажный особняк на берегу живописного озера, три иномарки в гараже: «шестисотый» «мерс», спортивный «Додж-Вайпер» и внедорожник «Рейндж-Ровер». А еще длинноногие красотики. Он меняет их как перчатки. Моли он надеяться на такую жизнь два года назад, когда вернулся из армии в убогую квартиру дряхлеющих предков?.. Он мог только мечтать. И мечта сбылась.

Держать под собой чересчур большую группировку не имело особого смысла. Расширять территории чревато пулей в затылок. Фюреру вполне хватало того, что он имел. А с его «пастбищами» и браконьерскими угожьями вполне справлялись два десятка крепко накачанных пацанов на «Мицубиси-Паджеро». Мобильность в его деле значила многое, поэтому Фюрер не жалел денег на дорогие тачки. И на пацанов тратился немало. У каждого квартира, тачка, по штуке баксов как минимум на карманные расходы. За это они всегда в готовности умереть за него. И умрут не задумываясь. Только вот за последний год в городе не прозвучало ни единого выстрела. Никто не зарился на его территории. И менты не трогают. Все они у него на прикорме. Тишь, одним словом, и благодать. Собирать дань с коммерсантов и браконьеров – ума не много надо. И немудрено, что попасть к нему в банду мечтает всякий. Да только он берет самых лучших.

Сегодня он приехал домой после двухнедельного отдыха в Анталии. Вот где рай земной! И сразу на него навалились де-

ла. Впрочем, какие тут дела? Подумаешь, какой-то коммерсантишка доход утаивать вздумал, полгода всего половину отстегивал. Но Боровик его вычислил. У него своя «налоговая инспекция», толковые мальчишки в ней обретаются.

– Кто такой? – вальяжно развалившись в кресле домашнего кабинета, спросил Фюрер.

– Олегом его, бля, зовут. Олег Пролозгин, хрен ему в грызло, – Боровик просто не умел разговаривать без «связующих» матюгов. – Три магазина у него своих, мать его за ногу, все продуктовые. Бабки немалые, в рот его дери, заколачивает, падла.

– Подпали ему один магазин. Пусть знает, как нас кидать. И главное, иск вчини, на счетчик поставь.

– Без проблем, долбаный он урод. Слушай, Фюрер, жена у него телка клевая, в рот ее. Может, не будем магазин, чтоб он сгорел, палить? Жену его, сучку стебаную, к себе утащим, на «хор» поставим?.. И фотку ему, как ее в зад, бля, жарят, подбросим.

– Клевая телка, говоришь, – задумчиво протянул Фюрер. – Глянуть бы на нее.

– Да без базара, – растянулся в довольной улыбке Боровик и протянул ему фотографию жены Пролозгина. – Жаль, не в бане, очко ее дери, снимали.

– Во, блин, да это же Маринка, – усмехнулся Фюрер. – Она и раньше вся из себя была. А сейчас вообще писец какой стала. Сколько же ей сейчас, лет двадцать? Ну да, где-то так.

Слушай, а я бы ее трахнул.

Они жили тогда в одном дворе. Когда он в армию уходил, ей было лет тринадцать-четырнадцать. Она уже была красивой, но Фюрер как-то даже и не думал клеиться к ней. Со всем малая. Видел он ее и после армейки. Тогда ей, по ходу, восемнадцать было. В самый раз трахаться без трусов. Да только ему было как-то не до нее. В такую круговерть дел втянулся. Сейчас вот у него есть на нее время. И насрать, что у нее есть муж.

– Так в чем же, бля, проблемы? – засуетился Боровик. – К тебе ее и притащим. Трахай ее себе на здоровье.

А действительно, в чем проблемы? Ни в чем!

– Вот на неделе ее и притащишь.

– В целости и сохранности доставлю.

Ну да, еще не хватало, чтобы ее сначала по кругу пустили, а потом к нему привели.

Сегодня их «бригаде» везло. Полдюжины осетров, пуда по четыре на каждого. Жаль, без икры нынче рыба. Не сезон. И все же навар будет. Подкоптят они сейчас рыбу, и зашевелиятся у каждого «хрусты» в кармане.

В их браконьерской «бригаде» пятеро. Ребята все молодые и все после армии. Крепкие как на подбор и отчаянные. И дело знают. На двух лодках в море или на лиман выходят, сети в воду, глаза – по сторонам. Вдруг рыбинспекция нагрянет. С ней шутки плохи.

Скоро зима, а там весна. Сезон начнется. Осетры нереститься пойдут. Вот тогда самое время делать большие деньги. Только от рыбинспекции вовремя уходи да Фюреру, мать его так, отстегивай.

В этом году Толик хорошо наварился. Новую «Ниву» купил да предкам в доме ремонт капитальный сделал. И на дела свои молодецкие оставил.

Но куда ему до Фюрера! Вот кто по-настоящему круто развернулся. Все, что только можно, подмял под себя. Пацаны под ним серьезные ходят, все со стволами. Большими делами вертят. Рэкет, икорный бизнес. На крупных бабках сидят.

Толик мог бы стать «быком» в его «стаде». Подготовка у него высший класс. И машется, лучше не надо, и с любым стволом на «ты». Но не стал. Вообще-то ему по фигу всякая там мораль. Ничего предосудительного не видел он в том, чтобы стать бандитом. Тем более что в последнее время это стало даже как бы модно. Только не хотелось шестерить на кого-то, хоть и на того же Фюрера. Потому он в браконьеры и подался. Риск немалый, отстегивать приходится, зато он сам себе голова – старший бригады не в счет. Вот-вот из армейки Макс прикатит. Вместе они составят свою бригаду, все навары пополам.

Классный чувак этот Макс. Жаль только, Маринку у него отбил. Впрочем, он не отбивал, она сама за ним пошла. Он, Толик, на нее наехал сгоряча. Макс полез за нее заступаться.

Молоток, не сдрейфил. Раз по шарам получил, два, а все лезет с кулаками. Круто он его тогда загасил, из-за чего и в ментовку попал. Но Макс не стал заяву на него катать. Не подлый он. За это, наверно, и протянул ему Толик руку дружбы. Надо же, в армейке с ним встретился.

Он тогда из отпуска как раз прикатил. Уже знал, что Маринка всю гуляет с Олегом, только не стал говорить об этом Макс. Зато сам расстроился. Вот уж, блин, ко всем Маринка липнет. К Макс – из-за того, что он красивый. К Олегу – из-за того, что у него свой бизнес, машина, деньги. Перед свадьбой еще и квартиру трехкомнатную купил.

Впрочем, Олега Толик не осуждал. За что? В чем его вина, если он влюбился в Маринку. Для него она как богиня. Молится на нее, каждую пылинку с нее сдувает. А она его только терпит. По глазам видно. Хотя и старается выглядеть счастливой. Да ну ее!

С Олегом он и сейчас в дружбе. Мало того, он ему балыки осетровые сбывает. Три магазина у Олега в Грибовске, и еще один вроде в областном центре открывает. Хоть и не очень большие у него магазины, но свои и не в убыток. Только вот дома у него он почти не бывает – не хочется видеть, как он обнимает Марину.

Полтора года, как он уволился в запас, но с Максом связи не терял. Нет-нет да и черкнут друг другу письмецо. Далеко шагнул Макс. Из отстающих в передовики выбился. На конкурсах союзных первые места брал. Уж кто-кто, а Толик

знает, что это значит. На собственной шкуре испытал.

Неплохая у них выйдет команда. Он и Макс. Всего двое, но стоит каждый не меньше десятка. Что ни говори, готовили их по высшему разряду. Кого хочешь на уши поставят. Лишь бы только стволы были да тротил или лучше пластик для подрывных устройств. Любую диверсию организуют.

Толик подъехал к магазину «Радужный», зашел туда и отыскал Олега.

– Привет, братан! – хлопнул он приятеля по плечу.

Олег одевался изысканно. Дорогой двубортный костюм, галстук за двести баксов, золотые часы. Сам весь ухоженный такой, лощеный. Толик одевается просто. Джинсы, кожаная куртка. С ног до головы забрызган грязью, и рыбой от него прет. Но Олег не морщит нос при встрече с ним. Друзьями они были, друзьями и остались.

– А-а, это ты, Бугай, – поморщился Олег.

Какая муха его укусила?

– Мы тут с пацанами осетров надыбали, классные балыки будут, скоро подвезу.

– Подвози, – вяло кивнул Олег.

– Че ты такой кислый? Стряслось что?

– Фюрер наехал.

– Во дела! Какого хрена ему надо?

– А такого. Недоплачивал я ему, видишь ли, – вскипел Олег. – Паразит долбаный, как пиявка к моей мошне присосался. Давай, давай, давай! А за что, спрашивается?

– Сейчас все бандитам отстегивают, – рассудил Толик.

Он и сам отстегивал.

– Никуда от них, гадов, не денешься.

– Никуда. Так что он от тебя хочет?

– Доплаты. А это два «лимона» и еще счетчик накручивается.

– Ну и отстегни.

– Отстегну, куда деваться!

– Ну ладно, крутись. Дай знать, если моя помощь понадобится.

Толик отлично дрался, стрелял из всех положений. И Олег это знал. Только против Фюрера он вряд ли потянет. Хотя как сказать.

Поезд подошел к мрачному, еще довоенной постройки зданию вокзала в семь утра. Остановился, содрогнулся всем своим составным телом. Молоденькая пышная проводница недовольно глянула на Максима и открыла дверь тамбура.

Сходя на перрон, он услышал за спиной легкий вздох.

– Счастливо, – обернувшись к ней, бросил Максим.

– Пока.

Двое суток он добирался домой из Питера. И все это время проводница Танечка напрашивалась на «палку чаю». То посмотрит на него жарко, то пройдет мимо, прижавшись к нему всем телом. Потом к себе в служебное купе стала звать. Помоги, мол, солдатик: то нужно сделать или это. Только он

ее «не понимал». Так ничего у них и не вышло.

А как он мог залезть на какую-то там Танечку, если он только от Ольги едет.

Ольга. В его жизни она значит многое, если не все.

Он воспринял ее всерьез с первого дня, как их свел вместе ее отец, подполковник Желудев. Хотя, было дело, чуть не поднял ее на смех. Рука у нее от волнения дрогнула, когда она показывала ему, как надо стрелять из пистолета. Влюбилась в него, он это сразу понял. Только о любви с его стороны тогда и речи быть не могло. Совсем еще девчонка, нескладная, глянуть не на что.

Только девчонка эта такие фортели выкидывала! Никакой ниндзя с ней не сравнится. И рукопашным в совершенстве владела, и со стрелковым оружием никаких проблем, и по разведке и диверсиям шарила здорово. Подполковник Желудев называл ее гением. Шутка ли, он с пеленок ее как пацана растил, всю жизнь с ним ездила по полигонам. Многому она Макса научила. Только тогда он это не очень ценил. Хотелось побыстрее от нее избавиться.

А потом у Оленьки кончились летние каникулы, и она прекратила заниматься с Максимом. Теперь с ним работали штатные инструкторы. Он продолжал делать успехи. Далек пошел, первым из всех стал. И все благодаря Ольге. Хороший она ему толчок дала. Если бы не она, возможно, до конца службы он бы так и остался тьюфом.

Она кончила школу, поступила в институт. И только по-

сле этого он по-настоящему обратил на нее внимание. Она стала настоящей красавицей. В такую нельзя не влюбиться. И он влюбился, только не давал знать ей о своих чувствах. До тех самых пор, пока из армии не уволился. Были у него кое-какие деньги, на них он номер в затрапезной гостинице снял, цветы купил. И к Ольге. Хорошо им было вместе. Они любили друг друга горячо и страстно. С Мариной ему не было так хорошо.

Скоро он вернется к Ольге. Погостит у бабушки, отдохнет чуть-чуть и снова в Питер. Там с работой проблем нет, а летом можно в институт поступить. Будет и учиться и жить вместе с Ольгой.

Максим обогнул здание вокзала, направился к остановке, сел в автобус, доехал до центра города. К дому своему шел мимо двухэтажного универмага.

– Макс! – послышался за спиной до боли знакомый голос. Он остановился, обернулся и увидел Марину.

Эффектная блондинка в норковом манто нараспашку. Красивая, свежая, желанная – и замужняя. Она больше не принадлежала ему. Но и он не принадлежал ей.

– Привет.

Она подошла к нему и ослепительно улыбнулась.

– Привет, – нехотя ответил Максим.

– Чего такой сердитый? Все обижаешься?

– Да нет, – пожал он плечами.

Вообще-то он был на нее в обиде за предательство, но сей-

час это не имело никакого значения. У него есть Ольга. И Марина ему не нужна, пусть она будет хоть в сто раз красивей.

– Обижаешься, вижу. Ты уж меня прости.

Она чувствовала себя виноватой, но это уже ничего не могло изменить.

Максим хорошо помнил тот день, когда узнал, что она выходит замуж за Олега. Он только что приехал в отпуск, собирался к Маринке, а тут на тебе, такой конфуз. Крепко он переживал, слов нет. И в ресторан, где свадьба гуляла, пришел, встал в уголке. Она его заметила. Тайком от жениха, вернее, уже мужа, вышла на улицу, поманила его взглядом за собой.

– Как ты могла? – с упреком спросил он. – Я думал, ты дождешься меня.

– Ну и дождалась бы. А дальше?.. Ты пойми, мне не нужен рай в шалаше. У тебя ничего нет, ни машины, ни квартиры.

Да, ни машины у него, ни квартиры, ни тем более дачи. Но есть он сам. Только зачем он ей без атрибутов красивой жизни? А у ее мужа было все.

На этом их разговор тогда и закончился. Вот и его продолжение. Но Максиму больше не хотелось с ней говорить. Да и ей, как видно, тоже.

– Я тебя прощаю. Пока!

Он повернулся к ней спиной и зашагал прочь. Шагов через сто он остановился и обернулся. Увидел, что Марина стоит у своей иномарки и открывает дверцу ключом.

Она уже открыла дверцу, когда к ней подъехал серебристый «БМВ». Из машины вынырнули два крепыша в спортивных костюмах и кожаных куртках. Они схватили Марину и силой затолкали в машину.

Любил Максим ее или нет, сейчас это не имело никакого значения. Не мог он спокойно смотреть, как ее похищают какие-то ублюдки. Поэтому рванулся с места и на полной скорости помчался к «БМВ». Но не успел. Машина умчалась, оставив ему только запах сгоревшего бензина.

Замуж Марина вышла не по любви. По расчету. Жизнь такая короткая, и прожить ее хотелось красиво. Квартира, машина, дача, деньги, много денег. У Олега все это было. И бизнес у него свой, он не последний в городе человек. Быть его женой – это еще и престижно. А Максим? Ни кола ни двора. Бабушкина квартира не в счет. Может, годам к сорока он что-нибудь и наживет, но к этому времени жизнь для нее утратит интерес.

Каждый человек должен стремиться к лучшему. И она стремится. Максим этого не понимает.

Сзади остановилась машина, открылись дверцы. Она и ойкнуть не успела, как сильные мужские руки впихнули ее внутрь салона. Двое крепких мужчин в кожаных куртках зажали ее с обеих сторон. Захлопнулись двери, и «пиратский» «БМВ» резко рванул с места.

Марина закричала, но тут же ей на рот легла широкая лен-

та скотча.

Куда ее везут? Зачем? Кому она понадобилась? Что, если ее хотят изнасиловать? Вывезут за город, остановятся, швырнут на капот, разденут и начнут, каждый по очереди. А если все сразу?.. Марина в ужасе закрыла глаза.

Может, ее просто хотят ограбить? Но тогда почему с нее не снимают мантию, не роются в сумочке?

Наверное, ее похитили с целью выкупа. А что, очень даже может быть. Муж у нее бизнесмен, деньги водятся, и «деревянные» и «зеленые».

Машина выехала за город, по узкой, но гладко асфальтированной дороге подъехала к озеру, остановилась у ворот роскошного дома в два этажа, окруженного высоким забором. Ворота автоматически сдвинулись в сторону – путь открыт.

– Выходи, – не грубо, но и не особо вежливо сказал ей крепыш справа и сам первым вышел из машины.

Руки он ей не подал. Кретин невоспитанный!

Марину провели в дом. Просторный холл в мраморе, гранитный пол, все блестит, все сверкает. В воздухе запах богатства. Марина была в восторге. Кто же хозяин сказочного дворца?

Ей отвели отдельную комнату. Мягкий персидский ковер на полу, золоченые обои, итальянская мебель под старину, роскошное двуспальное ложе, полная ваза фруктов на мраморном столике.

Вечером она узнала, кто хозяин этого дома. Им оказался Фюрер. Да, тот самый Васька Рогов из их двора. Высоко взлетел. Банда у него, весь Грибовск с окрестностями к рукам прибрал.

Не красавец он. Казалось, когда-то его лицо было из мягкого воска, и кто-то нехороший бросил в него мячом, попал в переносицу. На лице осталась вмятина, а потом оно так и застыло. Но какая разница? Ведь он баснословно богат. Олугу до него далеко.

– Ну ты даешь, Максим, – возмущенно протянула бабушка, глядя, как одевается внук. – Не успел приехать, а уже уходишь.

– Дела, бабушка, дела.

Дома он побыл совсем немного, часа три, не больше. Выкупался, наелся до отвала, полежал с часик. Потом засобирался к Толику. Из головы не выходила Марина. Ей сейчас плохо, а он тут бока на диване отлеживает. Выручать нужно женщину из беды.

Он надел старые джинсы-«варенки», болоньевую куртку, шапочку-петушок. Такое давно никто не носит, но ничего другого у него нет.

– Не унывай, я скоро.

Толик жил в частном доме на окраине города. Город небольшой, за полчаса пешком к нему добрался. Звонок на калитке. Интересно, дома ли дружок его армейский? Вряд

ли...

Но нет, дверь открылась, и на пороге появился Толик. Лицо заспанное, а ведь времени уже почти двенадцать.

– Макс! – обрадовался Толик. – Ну наконец-то, братан!..

Они пожали друг другу руки и обнялись. Как будто сто лет не виделись.

– Заждался я тебя, в натуре, – пропуская в дом, похлопал его по плечу Толик.

Они прошли на кухню.

– Тяпнем по сто грамм?

– В самый раз.

А почему бы и не выпить с дорожки? Можно даже не по сто, а больше.

Толик достал из холодильника вазочку с черной икрой, тарелку с нарезанным балыком. Деликатесы. Только в Грибовске этим никого не удивишь.

Они выпили, закусили. Еще выпили.

– Отдохнешь после армейки, а потом я тебя к делу пристрою. Браконьерничать на пару будем, – выдал перспективу Толик.

– Извини, брат, отпадает, – развел руками Максим. – Я в Питер уезжаю. Уже все решено.

– Чего?

– Работать там буду, потом учиться.

– Да, плохо, – почесал затылок Толик.

– Ты с мужем Марины вроде знаком, – перешел Максим

к главному.

– Ты об Олеге? Мы с ним вась-вась. Что, все по Маринке сохнешь?

– Уже отсох. Теперь у меня Ольга есть. К ней и еду в Питер.

– Какая Ольга?

– Ты ее знаешь. Помнишь, когда ты на дембель уходил, командира нового нам прислали? Подполковника Желудева.

– Ну чего же не помнить? Помню.

– И дочь его, наверно, помнишь.

– Такая маленькая, худая, косички такие смешные. Она еще с тобой занималась. В карате она вроде как большой спец. Крутая девчонка, ты писал.

– Не только в карате. И не смешная она уже вовсе. Повзрослела, изменилась. Вот смотри, – Максим вынул фотографию Ольги и положил на стол перед Толиком.

– Ну ваще!.. – только и сказал тот.

Высшая степень восхищения.

– Я тоже так думаю.

– А Маринка тебе зачем?

– Муж ее мне сейчас нужен.

– Отношения выяснять будешь? – нахмурился Толик.

Он явно не собирался давать друга в обиду. А ведь друг-то женился и на его любимой девушке, не только Максима.

– Буду, но не с ним. Марину похитили.

– Че?!

– Что слышал. Сегодня утром я ее видел, разговаривал с ней. Потом видел, как она к своей машине пошла. А тут уроды какие-то в кожаных куртках ее схватили, в свою машину затащили и увезли. Я к ней, но не успел, далеко было.

– Понятно.

Рука Толика потянулась к бутылке. Разволновался парень.

– Надо мужу сообщить.

– Сейчас хряпнем еще по чуть-чуть и поедем.

И тут зазвонил звонок.

– Кого там хрен принес? – Толик пошел открывать.

Через минуту в кухню вошел Олег, муж Марины. Бледный как мел, руки трясутся. И еще сильнее затряслись, когда он увидел Максима.

– Ты?!

Что и говорить, не любил он Максима, ревновал к нему жену.

– Ну я.

Казалось, Олег сейчас бросится на него с кулаками.

– Сядь, остынь, – урезонил его Толик. – Что там у тебя стряслось?

Олег сел на табурет, не спрашивая, взял бутылку, налил себе полный стакан и залпом выпил.

– Марину вроде как похитили, – наконец выдавил он из себя.

– Что значит «вроде»?

– Люди видели, как ее в машину какие-то качки силой

затаскивали.

– Макс тоже видел.

Олег встрепенулся и впился в Максима злым взглядом.

– Ты видел?

– Допустим.

Максим мог вырубить его одним ударом, но даже не думал об этом. Понимал, как человеку хреново.

– Ты разговаривал с Мариной?

– Разве это важно?

– Для меня важно! – выкрикнул Олег. – Только попробуй тронь ее!

– Слушай, ты! – зарычал на него Толик. – Ты мне друган, но я тебе сейчас, бля, по чайнику настучу. Че ты, в натуре, пургу несешь? Ты зачем пришел?

Только грубостью Толик мог остудить Олега. И у него это получилось.

– Ты, Толик, должен мне помочь. Ты же обещал.

– Понял, без проблем. Ты это, случаем, в ментовку не за-
являл?

– Какая, , ментовка? – Олег снова начал заводиться. – Мари-
нину Фюрер похитил, а у Фюрера вся ментовка на прикорме.

– Стоп! С чего ты взял, что ее похитил Фюрер?

– Я же говорил тебе вчера, что Фюрер на меня наехал. Деньги он свои получит, тут мне деваться некуда. Только ему одного счетчика мало. Вот он Марину к себе и забрал. Что, если он ее изнасилует?

Олег низко опустил голову и обхватил ее руками.

– Гасить, бля, надо этого ублюдка! – сжал кулаки Толик. – Если Маринка у него, мы ее из этого дерьма, бля буду, вытащим. Так, Макс?

Максиму невольно вспомнился подвал, где его запер вместе с Мариной и Толиком этот самый Фюрер. Уже тогда он был тем еще подонком. Потом он вспомнил тот же самый подвал, куда заглянул случайно. Шестнадцать лет ему было тогда. Видел он, как здоровенные пацаны тягают железо, качают мышцы. Раньше они в фашистов играли, а сейчас серьезными делами заправляют, рэкетом занимаются. И все под Фюрером ходят. Далеко этот гад прыгнул, и никто его не остановит. Ну, это еще как сказать!

– О чем разговор?

Если Марину похитил Фюрер, он же ее и вернет. Изнасилует он или нет, это другой вопрос. Но Олег ему заплатит, и он вернет Марину. Их помощь ему вроде как и не нужна, они только хуже могут сделать. Олег скоро это поймет и начнет отговаривать, но пока он порет горячку, нужно пользоваться моментом. Уж больно хотелось Максиму и Толику самим вырвать Марину из рук Фюрера.

– Братан, мы найдем твою Маринку, зуб даю, – заверил Олега Толик. – И на Фюрера наедем. Только нам стволы нужны.

– Да, стволы в этом деле не помешают, – согласился Максим.

В очень серьезное дело они ввязываются, тут уж крови бояться нечего. Возможно, придется кого-то подстрелить, хотя лучше было бы обойтись без пальбы.

– И пару-тройку тротиловых шашек, – добавил он.

Может, им понадобится что-то взорвать. А с минным делом они знакомы.

– Стволы у меня нет, шашек тоже, – сказал Олег. – Но есть деньги.

– Тогда о чем базар?

Толик подмигнул Максиму.

Они начинают серьезное дело. Они одна команда. Непобедимая.

Марина стояла под тугими струями душа, смывала с себя мыльную пену. Голова вскинута, глаза закрыты, рука заброшена на мокрые волосы. А фигурка у нее высший класс. Ножки, животик, груди – все в идеале. Залюбуешься. И Фюрер любовался. Он наблюдал за ней через глазок скрытой видеокамеры, выходящий на метровый экран «Панасоника».

Потом Марина ушла к себе в комнату сушить волосы, краситься, одеваться – словом, готовиться к ужину.

Ужин при свечах. Где-то Фюрер читал об этом. Вроде бы высший шик. При свечах так при свечах.

Они будут сидеть с Мариной за столом, пить шампанское, вспоминать детство. А потом он ее трахнет.

Можно взять ее силой. Пара пацанов заломает ее без про-

блем. Но брать ее силой неинтересно. Вот если она ему по доброй воле отдастся...

Если честно, то он сомневался в том, что Марина так вот и подставит ему свой передок. Не красавец он: обделила его природа. Но ничего, если баба заартачится, у него в запасе всегда есть верный вариант.

К столу Марина вышла с улыбкой. Обалденная баба, базара нет. Глаза сияют, лицо светится. Да она рада ему! Фюрер почувствовал, как у него забурлила кровь.

Она продолжала улыбаться и за столом. И глазки ему строила. Но она же вроде ненавидеть его должна. Он ее похитил.

– Все вспоминаю наш подвал, – она первой заговорила о детстве. – Только раньше ты, Фюрер, не больно-то меня жаловал.

– А сейчас жалую? – расплылся он в довольной улыбке.

– Жалуешь. Красивый у тебя дом, хорошо у тебя.

В ее глазах был восторг. Бальзам Фюреру на душу.

– Знаешь, почему ты здесь?

– Потому что я тебе нравлюсь?

– Нет.

– Я тебе не нравлюсь?

Она даже обиделась.

Фюрер хватил ртом воздух.

– Нет, ты-то как раз мне нравишься, гадом буду! Мне твой муж не нравится. На бабки он меня кинул.

– На бабки, кинул... Как это понять?

Святая невинность.

– Он мне недоплачивал.

– Ах вот оно как! – Марина нахмурилась. – Олег для меня деньги берег. Я женщина дорогая, на меня много денег надо.

– Я твоего мужа наказать хотел, вот и похитил тебя.

– Ах ты негодник! – Она погрозила пальчиком.

Эта женщина с ним играет, но игра кайфовая.

– Пусть негодник. А знаешь, что я хотел с тобой сделать?

Ладно пора переходить к самому главному. В штанах уже застоялось.

– Что?

– А то, что мужики с бабами делают. Марин, давай пойдем ко мне в комнату?

– Зачем?

– Ну ты же сама знаешь, – замялся Фюрер.

Он хотел быть с ней грубым, но почему-то не получалось.

– Не знаю...

Но она, конечно, все знала. Чего ломаться-то?

– Мы с тобой это, типа сексом займемся.

– Да что ты говоришь? – Ее губы изогнулись в гневную дугу. – Ты что, за шлюху меня принимаешь?

– Ты это, короче, не брыкайся! – рявкнул он, поднимаясь со своего места. – Хочу тебя трахнуть и трахну! И целку ты из себя не строй, не то все дыры распломбирую!

Наконец-то он разговаривает с ней, как со всякой другой

женщиной. Они, суки, только такой язык и понимают.

– Ну зачем же ты так? – Марина сразу потускнела.

– Пошли, – он взял ее за руку и потянул за собой.

Но он недооценил ее. Она вырвала руку и отбежала в глубь комнаты.

– Василий, ну зачем же ты со мной так грубо? – со слезами на глазах спросила она.

Фюрер почувствовал, что начинает таять. И правда, чего это он с ней так грубо?.. Она не такая, как все.

– Ты же мне нравишься.

– Я думала, ты меня у мужа похитил. Думала, ты ко мне серьезно.

– Мало что ты думала, – голос его звучал неуверенно.

– Скажи, ты женат?

– Нет.

Зачем ему жена? В его распоряжении самые клевые девки в городе. Только свистни, гуртом набегут. Но Марина не девка, она особенная. А что, если?..

Он даже затаил дыхание.

Что, если он женится на ней? Заберет у мужа и женится. Идеальной женой будет. Вряд ли он найдет себе лучшую... А еще за ней богатое приданое.

Фюрера осенила блестящая, как ему показалось, мысль. Муж Марины владеет тремя магазинами в Грибовске и еще одним в областном центре. И все это, видать, завещано любимой жене. Проблема в одном – исполнить завещание. Но

для Фюрера это не проблема. Чик «пером» по горлу – и куда только все проблемы подеваются.

– А знаешь, мы ведь по-хорошему можем быть вместе, – загадочно улыбнулась она.

– Как это по-хорошему?

– Нам нужно пожениться. И тогда я вся твоя.

– Да ты мои мысли, блин, читаешь!

Он готов на ней жениться, базара нет. Она будет ему при- мерной женой.

– А как же быть с твоим мужем?

Впрочем, он и сам знал ответ на этот вопрос. Развод со смертельным исходом. Но Марина недолго будет вдовой.

– Мы разведемся.

– И чем скорее, тем лучше.

– Правда, я многое потеряю, – ее голос звучал озабоченно. – Дело в том, что Олег завещал мне все свое имущество. Когда я сообщу ему о моем желании развестись, он изменит завещание.

Не успеет!

– Ну и хрен с ним. Со мной ты в бедности жить не будешь.

Марина только этого и ждала. Глаза у нее радостно засверкали.

– Я тебе на свадьбу бриллиантовое кольцо подарю.

Ее взгляд вспыхнул еще ярче. Похоже, он нашел ее слабое место.

– А сегодня я подарю тебе кое-что другое. Золотой брас-

лет.

Фюрер подошел к Марине, взял ее за руку. Она пошла за ним как зачарованная. Он провел ее в свою спальню на первом этаже, подошел к потайному сейфу, открыл его, достал футляр, обитый красным бархатом. В нем лежал золотой браслет в виде переплетенных змей.

– Это твое.

Он открыл футляр и протянул браслет Марине.

Она чуть не задохнулась от восторга. Бабы, они все такие. Им самую хреновую безделушку покажи, они и рады.

Марина рассматривала браслет, примеряла его. И даже не обратила внимания на то, что Фюрер подошел к ней сзади и начал тискать рукой ее груди. Вторая рука задрала ей платье и двигалась вверх по ноге.

Только когда он начал стягивать с нее трусики, она закинула голову назад и жадно задышала. Ее тело мелко дрожало.

Дальше все пошло по известной схеме. Шмотки в сторону, флаг – по ветру, ноги врастопырку, и, ура, на подвиг. Он не хотел ставить ее в неловкое положение, но пришлось. В позе крабом она выглядела убойно.

Стоило признать, что в постели с Мариной неплохо. Хоть и не очень горячая баба, но стоит на нее еще как. Стоит и стоять будет. Возможно, он даже не будет ей изменять.

Браконьеры – народ серьезный. Красная рыба – это естественная валюта, достаточно твердая. Все места на лиманах,

на реках и на море давно уже проданы. Но залетных ой-ой как много. Только успевай отбиваться, отстаивать свое место под солнцем. Вот браконьеры и отбиваются. К тому же с рыбинспекторами у них самая настоящая война. В ход идет все, от «лупары», то бишь обреза, до дорогих арбалетов с оптическими прицелами. Оружие на деревьях не растет. Его добывают из надежных источников. Один из таких источников знал Толик. Вместе с Максимом выехал в Краснодар.

На городском рынке Толик разыскал высокого тощего парня с бегающими глазками.

– Дело к тебе, Лопата, – заговорщицки подмигнул ему он.

– Че, стволы? – тихо спросил тот.

– А ты догадлив, – усмехнулся Толик.

– Че надо?

– Пару «макаров» с «маслятами» да тротиловых шашек с пяток.

– С «музыкой» проблем нет. А чего «макары»? Могу «люгер» или «браунинг» предложить. Еще «беретта» есть, отличная штука.

«И стоит дороже».

Но дело в данном случае не в цене. Просто к «макарову» и он и Толик в армейке привыкли. На этих пистолетах их дрессировали. Привычки – дело серьезное, ими разбрасываться нельзя. Тем более туфта все это, что про «ПМ» говорят. Отличная вещь, если разобраться.

– Не, нам «макары» нужны.

– Еще «лимоны» есть, «эф-первые».

– Пара штук не помешает, – Толик раздумывал недолго.

– Бабки вперед.

Лопата назвал цену, Толик отсчитал деньги.

Через час, «подкованные», они ехали к Грибовску.

Вечером того же дня они уже забирались на высокую сосну в роще неподалеку от особняка Фюрера.

– Классный он, бляха, «рейхстаг» отгрохал, – сказал Толик, настраивая оптику.

– Надо думать, – отозвался Максим.

Он сидел на «этаж», то есть на ветку, ниже.

Толик рассматривал дом через окуляры мощного полевого бинокля. Без него он не отправлялся ни на одну рыбалку. И сейчас они вроде как на рыбалке. Ловят рыбу в мутной воде.

– Блин, все окна зашторены, – сообщил он.

– Снайперов опасается.

– Бандитский век недолог. И на этого козла пуля уже отлита.

Толик продолжал смотреть в бинокль.

– Вряд ли он здесь Маринку прячет, – рассудил Максим.

– Почему так думаешь?

– А вдруг менты?

– Ты слышал, что Олег тер? Менты у Фюрера все куплены.

Они при нем как полицаи при фашистах. Есть!

– Что там?

– Да занавеска на первом этаже откинулась. Бля буду, Маринка в окне засветилась. Все, исчезла.

– Ну что, братан, проводим рекогносцировку, – вставил армейское словцо Максим.

Если Марина в доме у Фюрера, надо составить план дальнейших действий, хотя бы визуально прощупать все подступы к объекту, определить слабые места, вероятность проникновения и все такое прочее.

А дом охраняется отлично. Два охранника постоянно дежурят, камеры наружного наблюдения везде понатыканы, на ночь спускают собак. Поверх забора колючая проволока, похоже, под током. Не так-то просто к пленнице подобраться.

Следующим вечером в темноте они снова пробрались к роще, влезли на сосну. И снова Толик увидел Марину все в том же окне. Теперь они стопроцентно знали, где ее комната.

– Окно зарешечено, – задумчиво проговорил Толик. – Решетка ажурная, декоративная, но крепкая, падла, на глаз видно. Только танком ее и сдернешь.

– Чем?

Максима осенила блестящая мысль.

– Танком. А что?

– Да ничего. Надо танк угнать. Тут неподалеку мотострелковая бригада дислоцируется.

– Слушай, а черепок у тебя варит!

План проникновения на территорию воинской части был

составлен во всех деталях. Ночь, холод, луна за облаками. Сама природа помогала им. Да еще навыки разведчиков-диверсантов свежи в памяти.

Часть стояла на возвышенности. Вокруг забор из бетонных плит, старый, с дырами. Дыры заделаны латками из колючей проволоки. Но это не препятствие.

Толик перекусил проволоку, пропустил вперед Макса. За ним пробрался за забор и он. Крадучись они дошли до автопарка. Снова работа мощным кусачкам. Перерезали «колючку» во внутреннем ограждении. Тишина, в будке КПП свет не горит. Спит служба. Но осторожность все равно нужна. Они бесшумно подобрались к двум «сто тридцатым» «ЗИ-Лам». Явно списанные машины. Лобовых стекол нет, капоты сорваны, моторы тью-тью. На металлолом давно пора, но военные тяжелы на подъем.

– Давай, – Толик протянул руку и взял у Макса самопальную мину, закрепил ее под подножкой. – Нормалек.

Осталось запустить часовой механизм, но это уже плевое дело.

Все, с первой частью плана почти закончено. Теперь только покинуть пределы части. Что они и сделали. А потом снова проникли на ее территорию. Но уже с другой стороны. К танковому парку.

Часовой в тяжелом тулупе ходил вдоль утепленных боксов со вскинутым автоматом. Не подходи, мол. Да только туфта все это. Сонный часовой, на ходу спит. Находка для

шпиона, одним словом. А Толику даже интересно быть шпионом.

Он подкрался к часовому со спины, заткнул ему рот и пережал сонную артерию. Готов. Тело обмякло. Толик бесшумно опустил часового на землю. Скоро очухается, а это ни к чему. Толик достал шприц-тюбик с быстродействующим снотворным и вколол часовому дозу. Теперь будет спать долго. Он оттащил беднягу в темное место, стянул с него тулуп, шапку, забрал автомат. Утепился, вооружился. Медленно двинулся вдоль боксов. Как он и ожидал, ворота и калитки в них были закрыты. Ключи у дежурного по парку, а тот в своей будке кемарит. И на все замки закрыт. Надо дверь ломать, но нельзя. Вмиг тревогу подымут.

С Максом у них все рассчитано по минутам, даже по секундам. Через пять минут грянет взрыв. Самый раз.

Ленивой походкой Толик подошел к кнопке звонка, через который часовой связывался с караулкой. Нажал четыре раза. Мол, не сплю я, часовой Пупкин. Затем он все так же неторопливо двинулся к будке КПП. Подошел к двери.

И тут со стороны автопарка ухнула мина, взлетел на воздух списанный «ЗИЛ». Жертв нет, но шум изрядный. Дежурный по танковому парку как ошпаренный выскочил из своей конуры. Но в грудь ему ткнулся штык-нож автомата.

– Тихо, дядя, – грубоватым голосом предупредил Толик.

Солдатскую шапку он уже снял. Сейчас на нем была вязаная шапочка «ночь», натянутая до подбородка. Вырезы толь-

ко для глаз.

Он затолкал побледневшего прапорщика в дежурку.

– Где помощник?

– Там, – в испуге тот кивнул на дверь в закуток.

За спиной появился Максим. Он слышал разговор. Его лицо тоже скрывала маска. Он без слов отодвинул прапора в сторону, открыл дверь в комнату отдыха и нейтрализовал дневального. Все, теперь порядок.

– Жить хочешь? – спросил Толик и для убедительности передернул затвор.

– Да, – пробормотал прапор.

– Тогда вскрывай бокс. Танк нам нужен. И чтобы на ходу.

Наступил самый ответственный момент. Если прапор полезет в бутылку, начнет строить из себя Александра Матросова, тогда им придется ой как плохо. Но вояка решил, что его и в самом деле могут грохнуть. Долго упрашивать его не пришлось.

Вся дежурная служба бригады и караул были подняты по тревоге, но все внимание – на автопарк. Там произошел инцидент. О танковом парке забыли напрочь. На то и был расчет. И он оправдался. По логике вещей охрану парка нужно было усилить. Но Толику хорошо была известна логика военных, поднятых по тревоге ночью. Наспех во всем разобраться, вовремя доложить куда следует. Все остальное потом. К этому времени танк будет уже далеко.

Прапорщик явно дорожил своей шкурой. Открыл бокс,

сам завел танк, уступил место Максy. Толик открыл выездные ворота.

Макс прогрел машину, выкатил ее из бокса и спокойно выехал за территорию части. К этому времени прапор уже лежал в своей дежурке. Минут на десять вырубил его Толик. Больше не надо. Все равно о пропаже вот-вот узнают.

Он скинул с себя тулуп, забрал с собой автомат, быстро закрыл за собой ворота, подбежал к боевой машине и забрался в нее.

– Два танкиста, два веселых друга! – заорал он в возбуждении, когда танк набрал полный ход.

Да, они настоящие диверсанты. Не зря их два года гоняли как сидоровых коз.

Макс уверенно вел машину. Управление «Т-70» входило в курс их боевой подготовки. Да что там наши машины, их и натовские танки водить учили.

В танке отсутствовал боекомплект, пулемет. Но Фюреру все равно писец.

Позавчера и вчера Марина была в постели не очень. Фюреру тем не менее с ней было хорошо. И так он ее и этак. Но инициативы с ее стороны почти никакой. Трахай, дескать, а я в потолок погляжу. Сегодня она загорелась, как будто сатана в нее вселился. Такое вытворяла! Если так и дальше пойдет, то он уж точно изменять ей ни с кем не будет.

Фюрер – мужчина здоровый, только вот, если честно, с по-

тенцией у него что-то не очень. Больше одного раза ни-ни. А вот с Мариной у него и по три раза получалось. Кончит, заставит ее к окну подойти, нагнуться, выставить на обозрение свой роскошный зад. Ядерная картинка получается. «Болт» сам в «гайку» просится. Только Марине стыдно. Она прячет лицо за занавеской. Ничего, пусть посмотрит в ночь. Долго смотреть у нее не получается. Минута, две – и он снова зовет ее к себе.

Сегодня она заводила его аж целых пять раз. Таски такие, охренеть можно. И сама измочалилась, и его измотала. Даже в душ пойти времени не было. Как откинулась на спину, так и заснула. Он только на бок ее повернул да простыней накрыл. Пусть поспит. А утречком он еще палочку ей поставит. Ох и женщина!

Марина не любила, когда он курит в постели. И он, как ни странно, не курил. Но сейчас она спит, можно и курнуть. На душе-то как хорошо!

Фюрер достал сигарету, щелкнул зажигалкой. И вдруг услышал со стороны озера подозрительный шум. Погоди, да ведь это рев мотора.

Он подошел к окну, отдернул в сторону занавеску. У него на глазах въездные ворота с грохотом слетели с петель. По бетонированной полосе дороги прямо на дом медленно катил боевой танк. С ума сойти! Остановился, грозно повел орудием, снова тронулся с места и двинулся прямо на его окно.

Дальше Фюрер это кино смотреть не стал. Он пулей выскочил из комнаты. Не дай бог, сюда въедет танк!

О Марине он даже и не думал. Каждый за себя.

Максим подогнал танк вплотную к зарешеченному окну. Открыл люк водителя-механика, высунулся через него, накинул стальные тросы на оконную раму и на решетку. Снова сел за рычаги, дал задний ход. Рама и решетка вырвались с мясом.

И снова танк вплотную подошел к окну. Башня была развернута в сторону входных дверей. Толик держал автомат в пулеметном гнезде. Тра-та-та!

– Получили, гады? Теперь будут знать!

– Что там? – спросил Максим, натягивая шапочку.

Он уже был готов покинуть танк и пробраться в дом.

– Да охранники, бляха, из норы своей высунулись. Я этих крыс, блин, обратно загнал.

– Держи их на прицеле.

– Да без базара.

– Верхний люк откинь, и за рычаги.

Что сказал Толик в ответ, Максим не слышал. Он через оконный проем уже впрыгивал в комнату.

Марина полулежала на постели и с ужасом смотрела на него. Кроме нее, здесь никого не было. Значит, она ночует одна.

– Тише, Маша, я Дубровский, – весело сказал он, откры-

вая лицо.

– Макс? – удивленно воскликнула она.

– Где Фюрер?

Она обвела взглядом комнату, как будто Фюрер мог быть именно здесь.

– Не знаю, – пожала она плечами.

– Ладно, трали-вали потом! Мы с Толиком за тобой.

Максим схватил ее за руку и сдернул с постели. Да она голая. Одежда лежала рядом. Он и ее загреб в охапку. Марина потянула за собой простыню. На ходу завернулась в нее.

Он вытащил ее через окно на броню машины, помог влезть на башню.

– Давай пролазь, – показал он на открытый люк.

Она послушно забралась в машину. Хотя, похоже, ей все этого не хотелось. Вслед за ней пролез и он. И вовремя. Едва захлопнулся люк, как по броне зацокали пули. Расшвелилась наконец охрана.

Толик сидел за рычагами.

– Давай жми! – крикнул Максим, устраивая Марину поудобнее.

Но тот и сам знал, что нужно делать. Надо как можно скорее отсюда убираться. Вдруг у охранников РПГ найдется?

Все обошлось. Гранатомета у охраны не было. Танк беспрепятственно вырвался на оперативный простор.

Толик о чем-то весело рассказывал, но к ним не оборачивался. Все внимание на дорогу. Иначе беда. Марина слушала

Толика, Максим ее как будто бы и не интересовал. И он тоже делал вид, что не замечает ее.

Через полчаса были на месте.

Все втроем они покинули танк. Оставили в нем автомат. Меньше проблем будет. Метрах в двадцати от боевой машины стояла в укрытии «Нива». Они пересели в нее и взяли курс на город. Танк остался стоять посреди дороги с включенным прожектором. Они уже проехали с километр, как навстречу им проехал военный грузовик. Ну все, считай, нашли пропажу.

Машины вел Толик. Максим сидел рядом с ним, Марина сзади. До города минут пятнадцать езды.

Они подъехали к пятиэтажному дому, где жили Марина с мужем.

– Ну все, вот ты и дома, – весело изрек Толик, открывая дверь.

Он выбрался из машины и помог выбраться Марине.

– Макс, я сейчас. Ты побудь в машине.

Они с Мариной скрылись в подъезде.

– Лихо вы, – сказала Марина, поднимаясь на третий этаж. – Самого Фюрера с носом оставили.

Особой радости в ее голосе не чувствовалось. Странно. От бандитов ее избавили, к мужу в упаковке доставили, а она не рада. Может, просто устала?

Толик остановился перед массивной бронированной две-

рью. Позвонил. Никто не открывал. Он позвонил еще. Результат тот же. Но Олег должен быть дома.

На всякий случай Олег дал ему запасные ключи от квартиры. И этот «всякий случай», видимо, настал. У Марины ключей не было. Они остались в доме у Фюрера, урода этого долбаного.

Толик открыл внешнюю и внутреннюю двери, пропустил вперед Марину. Она направилась в зал. Он шагнул на кухню: знал, что в холодильнике у Олега всегда есть «чекушка». На грудь принять сейчас в самый раз. Боевые сто граммов.

Марина вошла на кухню, бледная как смерть. Руки трясутся. Глаза как чайные блюдца, того и гляди, на пол вывалятся.

– Что такое? – Толик почувствовал неладное.

– Там, – еле выдавила она и рукой показала куда-то в глубь квартиры.

Толик обошел ее и двинулся в зал. Она пошла за ним.

На крюке вместо люстры висел Олег. Толику стало не по себе, но он нашел в себе силы подойти к висельнику, взять его за руку. Рука холодная – все, не жилец он на этом свете. Ну какого хрена он в петлю полез?..

– Это я во всем виновата, – услышал он за спиной голос Марины.

Она невидяще смотрела на покойного мужа. Глаза ее безумно блестели.

– В чем ты виновата?

– Фюрер жениться на мне хочет. Я не хотела, чтобы он меня изнасиловал. Поэтому я согласилась, – на одной ровной интонации проговорила она. – Вот, значит, как он избавился от Олега.

Она замолчала, села на диван и превратилась в каменное изваяние.

– Ты думаешь, это Фюрер?

Схитрила, называется. Неужели Фюрер всерьез решил жениться на ней? А почему бы и нет?

Марина молчала.

– Ну, сука! – обращая свой гнев к Фюреру, сжал кулаки Толик. – Я его, падлу, своими руками...

В это время во дворе прозвучали два выстрела. Это мог стрелять Максим. У него «макар» без глушителя. А зря.

– Ты сиди здесь! – срываясь с места, велел Толик.

Марина даже ухом не повела.

– Я щас. Если через час не вернусь, вызывай милицию, расскажи все как есть.

Последние слова он договаривал, уже закрывая за собой дверь. Слышала его Марина или нет?..

– Ублюдки, бля! – орал Фюрер, хлопыстая охранников по щекам. – Че, бля, в штаны навалили? Ни одного козла не загасили!

Не, в натуре, целый танк к дому подкатил. Ублюдок из него вылез, решетку сорвал, окно выдавил. Потом в комна-

ту залез, Марину с собой забрал. Да его раз сто за это время можно было пристрелить. А у этих козлов очко сыграло. Танк, видите ли, с пулеметом. Одному козлу даже ухо пулей обожгло. Лучше бы ему яйца в клочья разнесло! Впрочем, и он сам был не на высоте, выскочил из дому и дал деру. Хорошо хоть вовремя остановился.

Охранники, два мордоворота в кожаных куртках, молчали. А что они еще могут сказать?

Теперь, когда танк исчез из виду, Фюрер мог соображать спокойно. Куда могли увезти Марину? Скорее всего домой, к мужу. А мужа уже нет, его Мурзила с Лабазом под суицид сработали, повесился, мол, горемыка.

Минут через пятнадцать к дому подъехал «БМВ». Боровик и Мюллер подкатили. Две первые скрипки в его криминальном оркестре.

– Че такое? – спросили они, подходя к Фюреру.

Вот на кого вся его надежда.

– Тут, короче, козлы какие-то на танке прикатали.

– На танке?

Да, в это трудно поверить. Но факт есть факт. Достаточно глянуть на снесенные напрочь ворота, чтобы убедиться в этом.

– Хорошо, что не на вертолете, – Фюрер уже мог относиться к этому с иронией.

Но еще совсем недавно ему было не до шуток.

– Кто?

- А это, пацаны, узнать надо, – хищно сощурился Фюрер. – Марину утащили. Через нее на козлов этих и выйдем.
- Сначала ее найти надо, – рассудил Мюллер.
- Вот этим и займетесь. Сами лично займетесь.
- Как скажешь, – пожал плечами Боровик.

Давно уже они не выходили на дело сами. Все «быков» своих выставляли. Но сейчас нет времени дожидаться рядовых исполнителей. Охранники не в счет. Этим лохам даже в помойке рыться не доверишь.

– По адресочку одному проедете.

– Мы без стволов.

А без стволов в таком деле никуда. Марина скорее всего под прикрытием козлов из танка. Танк-то, наверное, из части откуда-нибудь угнали. Может, она с танкистами любовь крутила?..

– Из моего арсенала возьмите.

Фюрер повел своих кентов в подвал, к тайнику. Одному дал «астру», другому «беретту», все пушки с глушителями.

– Сюда этих козлов притащите.

«БМВ» помчался к городу. Минут через пятнадцать будут на месте.

Максим сидел в «Ниве» и курил.

Курить он в армии начал. И не бросил вовремя – втянулся. А надо бы завязывать с этим делом.

Позади него остановилась машина. Он оглянулся. «БМВ»

серебристого цвета. Именно в такой запихнули Марину. Максим напрягся, рука потянулась к «макару», клацнул предохранитель, щелкнул затвор.

Через минуту к машине подошли два крепыша в кожаных куртках. Глянули на него через окно. Ну и рожи, за три дня не обсерешь. Один потянулся к ручке двери с его стороны. Второй пристроился за спиной первого. Это явно люди Фюрера.

Дверь открылась.

– Ты чего здесь? – подозрительно прищурился качок.

Марину ищут. Врубилась, где ее нужно искать. Что ж, Максим к такому повороту событий был готов. Ведь не зря они собирались с Толиком охранять ее до утра. На Олега надежда слабая. Он только петушиться умеет.

– Да так, к телке приехал, – словно бы нехотя ответил Максим.

Палец его лежал на спусковом крючке «макара», вместе с левой рукой опущенного за сиденье. Он и с левой руки стреляет отменно.

– В четвертом часу ночи?

– Наше дело молодое.

– А почему не за рулем?

Действительно, почему он сидит справа?..

– Слушай, ты что, из милиции? – вяло возмутился Максим.

– Почти. Ты это, козел, воду не мути. – Рука бандита по-

лезла под куртку, там и осталась. – Говори, зачем здесь?

– Марину привез.

Хочешь правду? Получай!

– Так это ты, козел, на танке на Фюрера наехал?

– Я не козел.

– Поедешь с нами, – крепыш начал вытаскивать пистолет.

Хочешь пулю? И это можно!.. Максим никуда с ним ехать не собирался.

Бандит еще не успел направить на него ствол, как получил пулю в лоб. Второй дернулся, чтобы достать свою пушку, да уж куда ему! Пуля угодила ему в левый глаз. Побыстрее нужно было, ребята. Чего ж вы так?

Как ветром выдуло Максима из машины. Он ощутил мощный всплеск энергии. Руки обрели нечеловеческую силу. Он без труда забросил убитых на заднее сиденье через переднюю дверь. Затем занял место за рулем. Завел машину. Нужно бы как можно скорее уезжать, но без Толика нельзя.

Раньше, еще до армии, перед тем как кинуться в драку, его брал мандраж. Наливались свинцовой тяжестью руки и ноги, мелко колотило тело, адреналин в крови туманил мозги. Но в армии он стал сильным и вместе с силой обрел уверенность в себе. Теперь он не волновался. Ни разу даже не вздрогнул, угоняя танк и спасая Марину. Не дрогнула его рука и сейчас, когда пришлось убивать. Убивал без страха. Бандиты – не просто люди, они смертники и с самого начала знают, что их ждет гибель. А раз так, он убивал их легко и просто. За что

боролись, на то и напоролись. Кроме того, сейчас действовал закон войны: или ты, или тебя.

Вот и Толик. Выбежал из подъезда и прямо к нему. Он уже все понял, поэтому без лишних слов занял место на пассажирском сиденье. Максим дал по газам, и «Нива» рванулась с места.

Водитель из него аховый. Но со двора и ночного города как-нибудь выедет. Сейчас нельзя терять ни секунды на пересадке.

– Во, бля! – выругался Толик, глянув назад. – Ты их?

Глупый вопрос.

– Да нет, пионеры тут проходили.

Но Толику было не до шуток.

– От Фюрера козлы?

– А то от кого?

– Олега убили.

– Что?

Максиму показалось, что он ослышался.

– Без мужа Марина осталась.

– Что так?

– Повесили Олега. Зашли мы в квартиру, а он висит, уже давно не качается.

– Почему убили?

– Марина говорит, что Фюрер замуж ее звал. Она боялась его, а потому согласилась. Но одна проблема – муж у нее есть. И Фюрер эту проблему, козел ублюдочный, решил. Я

ему, падле, кишки на струны пушу!..

– В другой раз.

Сейчас не самое подходящее время выяснять отношения с Фюрером. Момент внезапности уже позади. Теперь этого уroda врасплох не возьмешь. Он наготове. Уже огрызнулся. Правда, неудачно. Два трупа на заднем сиденье тому подтверждение.

– Когти нам из города рвать надо. – Толик и сам все прекрасно понимал.

Они остановились далеко за городом, в лесочке. Пока не начало светать, рыли могилу. Туда и сбросили трупы, к ним добавили засвеченный «макаров», два бандитских ствола – они также могли побывать в мокром деле. Закидали яму землей, сверху насыпали листьев. Снег в этих краях явление редкое и кратковременное.

Место за рулем занял Толик. Максим устроился сзади, принялся затирать следы крови.

– Слышно было, как ты стрелял, – сказал Толик.

– Понятное дело.

– Собак на нас не навешают. Ни трупов, ни орудия преступления. Кстати, тебе на руку надо бы парафина накапать. Так снимают следы пороховых газов, я слышал.

– Сделаем.

– Но искать нас будут. И менты, и Фюрер. Мы же еще и танк угнали, много дров наломали, – в голосе у Толика звучало сожаление. – Хорошо хоть при угоне никого на глуш-

няк не пришибли.

– А танк на нас спишут. Марину на признание раскрутят.

Максим почему-то не сомневался в этом. Скорее всего она сама о танке и расскажет. Впрочем, это закономерно.

– Во всероссийский розыск подадут.

Что ж, вполне возможно.

– Да уж, повоевали мы с бандитами, – вздохнул Толик. – Кстати, бабки у тебя есть?

– Ни копыа.

– Плохо. И я с собой не прихватил. Стольник только и есть. Но это на бензин. А еще в багажнике балычок лежит. Кстати, куда вострим лыжи?

– В Питер. Мне Ольгу повидать надо.

– А не повяжут?

– Питер – город большой, там легко затеряться. С Ольгой, пока ситуация не прояснится, мне жить не с руки, – рассуждал Максим. – В машине жить будем с тобой. Сегодня в одном месте заночуем, завтра в другом. Если что, скажем, что в городе проездом. Но лучше ментам не попадаться.

– Все это понятно.

– И ствол твой надо бы сбросить. Не дай бог остановят и обшмонают.

– Не, я со своей «волыной» не расстанусь, – покачал головой Толик. – Он у меня в тайнике, в двери в колонке спрятан. А еще у меня карабин есть. Для тебя.

– Ты что, серьезно? – удивился Максим.

– Разве я похож на клоуна?

– Да нет. Куда ж ты эту бандуру спрягал?

– Почему бандуру?.. Я из карабина еще до армии обрез смастерил. Аккуратненький такой обрезик.

– Смотри, как бы под монастырь не подвели нас твои стволы.

– Волков бояться – в лес не ходить.

Машина на полной скорости уносила друзей прочь из родного города.

Глава третья

– Да ты че, мой Зверь на хрен любого порвет, – характерным блатным говором объяснял атлетически сложенному мужчине в теплой кожаной куртке такой же амбал с квадратным лицом и бритой головой.

Дубленка нараспашку, массивная золотая цепь в палец толщиной. Стопроцентный бандит, тут даже и гадать не надо.

И второй не из списка законопослушных граждан. Те же атрибуты бандитского имиджа. Только взгляд у него не такой агрессивный, как у первого.

– Да псина у тебя, базара нет, конкретная.

– Я его, бля, типа на чертей всяких натаскал. Кому хочешь глотку передавит. Я, бляха, этта, за базар свой отвечаю.

Говоривший нагнулся к своему бульдогу и потрепал его за ухом.

– Да я верю.

– Нет, без дела все это гнилой базар. Хочешь, я чисто на козлов каких-нибудь Зверя спущу?

– Да ладно, беса не гони!

– Не, ну ты че, думаешь, эта канитель не проканает?.. Во, гляди, чувак какой-то прет. Шас я его, бля, сделаю. Фас!

Собака зарычала, сорвалась с места и торпедой понеслась на цель.

Не каждый день выпадает возможность погулять с женой по парку. Тихо, под ногами последняя листва с деревьев шуршит. Вокруг все дышит покоем. И на душе так спокойно.

Подполковник Желудев шел по парку вместе со своей женой, милой и родной Оксаной. Двадцать лет они вместе, дочь уже взрослая. А любят друг друга так же, как и в день свадьбы. Сколько на ее плечи выпало. Места службы как перчатки менял – переездами ее замучил. Потом полевые выходы всякие, командировки. В Афгане два года. И ничего, выдержала Оксана без него, сдюжила. А теперь они в Питер перебрались. Все, это навсегда. Уже квартиру, считай, получили, трехкомнатную. Дом сдается, скоро ордер и новоселье. И все, больше его с места и танком не сдвинешь.

Николай Евгеньевич – командир части. А это льгота. Квартира трехкомнатная, на одну комнату больше, чем положено. У Ольги будет своя отдельная комната. Если замуж выйдет, будет где с мужем жить.

А она, похоже, влюбилась. Ходит как замороженная. Дай бог, чтобы все у нее сладилось.

От размышлений Желудева отвлекла собака. Огромный бульдог, он мчался прямо на них. Собака подбежала к нему и прыгнула, норовя схватить за глотку. Но Николай Евгеньевич резко ушел в сторону и тут же ударил псину ногой.

Бульдог зарычал и отлетел в сторону. И снова в атаку. На этот раз он выбрал своей целью Оксану, вцепился ей в ногу.

Желудев был в гражданской одежде, зато ботинки у него армейские, тяжелые, кованые. И ноги сильные, тренированные. Трех ударов хватило, чтобы забить бульдога до смерти. Но злобный пес буквально вырвал кусок мяса у Оксаны из ноги.

Оксане больно. На глазах выступили слезы. Она крепится, даже улыбается. Достала чистый платок и приложила к ране. Николай Евгеньевич уже хотел взять ее на руки и отнести к служебному «уазу» у входа в парк, когда услышал крик:

– Эй, козляра вонючий, я тебя в рот, уroda, харил!

Он обернулся и увидел двух мордovorотов. У обоих рожи кирпича просят. Наглые, самоуверенные. На губах спесивые улыбки. Хозяева жизни, мать их так!

– Это вы кому? – Николай Евгеньевич заслонил жену своим телом и сделал два шага вперед.

– Тебе, гондон ты штопаный! – мордovorоты подошли к нему.

Один остановился в шаге от него. В нос ударил запах перегара.

– Я чем-то перед вами провинился? – Желудев старался говорить вежливо.

Только что-то не больно получалось.

– Ты, бля, Зверя моего сделал, – глаза говорившего налились бешеной яростью.

– Собаку, что ли?

– Хренаку!

– Точно, хренаку. Она мою жену покалечила.

– В рот твою жену!

Это был предел.

– Ах ты, гад!

Но бандит ударил первым. Быстро, резко, кулаком в переносицу. Только удар цели не достиг.

Желудев резко пригнулся, спружинил на ногах, подал бедро вперед и кулаком врезал обидчику в пах. Тот заревел от боли и согнулся в три погибели. Добивающий удар в шею избавил его от дальнейших страданий.

– Мать твою! – заорал второй и сунул руку под куртку.

Секунда, и в его руке появился пистолет. Но снять с предохранителя он его не успел. Николай Евгеньевич взял его на прием, выкрутил руку, выбил на землю пистолет. И тут же коленкой в лицо. Все, и этот уже не игрок.

Он взял пистолет, забросил его далеко-далеко в кусты. Повернулся к жене, подошел к ней, взял на руки и понес к машине. К нему уже бежал водитель в пятнистой форме. Интуиция подсказала, что с начальником стряслось что-то неладное.

На Бурлака Лопух работал уже полгода. Штатным киллером в его «бригаде» числился. Шутка ли, два достаточно крупных авторитета из конкурирующих «бригад» на его счету, трех бизнесменов – «кабанчиков» дорезал, одного козла левого, который Бурлака оскорбил, сделал.

Лопух знал себе цену. Таких, как он, киллеров в Питере раз-два и обчелся. Рука у него твердая, глаз острый и терпеливый, и чутье у него волчье. Хоть самого президента ему заказывай, исполнит.

В девятнадцать его на зону по валютной статье зачалили. На художника он учился, деньги ему нужны были. А приятели подсказали ему самый верный путь к ним. Вот валютой и занялся. И так дело хорошо пошло, что об училище художественном и думать забыл. Потом его повязали.

Лопухнулся он еще в следственном изоляторе, в карты на «просто так» сыграл. И проиграл. Задницу свою, оказалось, проиграл. Ночью его мужик один опустить должен был. Но в петушиных углах он пропасть не захотел. Пришлось своему «хозяину» шею свернуть. Парень он крепкий, занимался карате шесть лет. Зауважали его после этого. Только Лопухом называть не перестали. Лопух, Лопух... Да ладно, сам-то он знает, что не лопух.

«Гладиатором», исполнителем воровских приговоров, он еще на зоне стал. Много крови к его рукам прилипло. После освобождения продолжал убивать. До Бурлака в двух группировках спецом по мокрым делам подвизался. И авторитетов мочил, и коммерсантов. Серьезные дела ему поручали. И не раз хотели убрать. Слишком много он знал. Но у него звериное чутье. Он вовремя чует опасность. И сдерживает. Пермь, Волгоград, теперь вот Питер. А скоро в Москву уедет. Там найдет себе применение.

Пора уходить от Бурлака. Опасностью от него, как дерьмом из параша, разить стало. Неделей раньше он козла левого замочил. Мелочное дело. Уже тогда стоило задуматься. Что-то часто Бурлака оскорблять стали. Позавчера какой-то урод-войка яйца ему отбил. Ох и зол «бригадир» на него, своими руками придушил бы, да яйца опухшие ходить мешают. Его, Лопуха, он послал на расправу. Но он же киллер экстра-класса. Не для него такая мелочовка. Можно было «быка» какого-нибудь на подполковника натравить. Дело-то плевое. Так нет, он его послал.

И неспроста. Для Бурлака Лопух – отработанный элемент. Не сегодня, так завтра в расход пустят. Только Лопух не дурак. Он отработает свои пять штук баксов – и все, только его и видели. Надо было бы Бурлака на тот свет отправить. Но Лопух не злопамятный. Сведение счетов в его профессии – верный путь к плахе. Настоящий киллер не должен быть рабом своих эмоций.

Подполковника Желудева вычислили еще вчера. Вчера же Лопух получил наводку. И вот его «Рено Меган» стоит на обочине дороги, ведущей из части в город. Ждать пришлось недолго. Мимо промчался темно-зеленый «уазик». Желудев в нем, точняк.

Лопух завел двигатель, привел к бою свой «люгер» с глушителем, тронулся с места. Особенно маскироваться не надо. Они, вояки, тупоголовые, дальше своего собственного носа ничего не видят. Им бы с незримым заокеанским про-

тивником воевать. Все в облаках где-то витают. На землю их некому опустить. Зато под землю – без проблем.

Определенного плана у него не было. Если «уазик» едет, то обязательно где-нибудь остановится. Тут только не зевай. Прямо из машины вояку уложит. Пиф-паф, и пять штук баксов честно отработаны.

Машина остановилась в новом микрорайоне, во дворе нового, еще не заселенного дома. Водитель остался на месте. Подполковник зашел в подъезд.

Лопух припарковал свой «Рено» позади «уазика», вышел из автомобиля, спокойно закурил и направился вслед за воякой.

Лифт не работал. Значит, подполковник поднялся на свой этаж пешком. Дом новый. Выходит, он только что получил в нем квартиру. Приехал без жены. Осмотрит свое жилище – и обратно, снова на своих двоих. Можно спокойно подождать его на площадке между первым и вторым этажами.

Он докурил сигарету до фильтра, сунул бычок в карман. И в это время показался Желудев. Он вышел из квартиры на втором этаже. Да он совсем рядом, оказывается, был. Лопух сунул руку под куртку.

– Извините, вы не знаете, где мне найти прораба? – спросил вояка, обращаясь к нему.

– Я за него, – с готовностью откликнулся Лопух.

– Тут недоделки некоторые есть. Может, взглянете?

«Главная недоделка – это ты, товарищ подполковник. Ну

разве можно быть таким наивным?»

Они вместе прошли в трехкомнатную квартиру.

– Вот, – открывая дверь в ванную, сказал подполковник. – Плитка на полу отсутствует. Непорядок.

– Я искренне сожалею, но она вам не нужна.

– Как это не нужна? Я, между прочим...

Подполковник осекся. С изумлением уставился на навешенный на него пистолет.

– С легким паром, господин полковник!

Ни одна черточка не дрогнула на лице Лопуха, когда он нажимал на спусковой крючок. Он напрочь был лишен каких-либо эмоций.

Ольга была в шоке.

Еще позавчера она провожала Максима домой. Они строили планы на будущее. Знали, достатка в жизни им долго не видать. Если он вообще будет. Но им как-то было все равно. Они вместе, любят друг друга – вот что самое главное. Скоро он обещал вернуться, устроиться на работу в Питере.

Отец получал квартиру. Комната для них с Максимом есть.

Но вчера отца не стало. В новой квартире его застрелили. Двумя выстрелами. В живот и в голову. Следовательно к ним сегодня пришел, но мама не в силах была с ним говорить. Задавило ее горе. Лет десять, а то и все двадцать накинуло.

Следователь оказался приятным молодым человеком. Вы-

сокий, стройный, симпатичный, усы такие аккуратные. Только манеры у него не очень приятные. Горе у человека, а он к нему в душу лезет. Но это издержки профессии, обижаться тут не стоит.

– Насколько я знаю, вас, Оксана Дмитриевна, два дня назад покусал бульдог.

Да, был случай. Ольга с Максимом в гостинице любовью занимались, а в это время маме пес порвал ногу. Два бандита ради куража спустили на нее бульдога.

Мама только кивнула в ответ. Она сидела в кресле и смотрела в одну точку.

– Следствие уже установило, что ваш муж вступил в конфликт с двумя гражданами. Есть основания предполагать, что это не вполне законопослушные граждане. – Следователь нахмурился. – Есть версия, что вашего мужа застрелили по их наводке. Из мести. Вот вам несколько фотографий. – Он протянул маме несколько снимков. – Может, вы кого-то узнаете?

– Вот, – мама сразу узнала человека, который спустил на нее собаку.

Ольга глянула через мамино плечо. В память навсегда врезалась квадратная физиономия мужчины средних лет. Бандитская рожа.

– Так я почему-то и предполагал, – оживился следователь.

– Он действительно мог убить моего мужа? – тихо спросила мама.

– Следствие разберется, – сухо ответил следователь. – Ладно, не буду вас больше пытаться. После поговорим.

Ольга была ему благодарна. И вызвалась проводить до ворот КПП. Они по-прежнему жили в служебной квартире на территории части. Трехкомнатная квартира в городе, что называется, плакала. После смерти отца они с мамой могли претендовать только на однокомнатную. Таков закон. Но дела насущные их обеих сейчас мало интересовали. Сейчас они могли думать только об отце.

– Скажите, пожалуйста, а мы с мамой можем рассчитывать на то, что убийца будет наказан? – спросила она по дороге.

– Честно?

– Ну, конечно же, честно.

– Боюсь, что нет, – тяжело вздохнул следователь.

– Почему? У вас в руках такие улики.

– Какие улики?.. То, что Бурлаков подрался с вашим отцом, ничего не доказывает. Да, мы можем привлечь его к ответственности за то, что его собака покусала вашу мать. Но опять же никто не докажет, что он специально спустил с поводка своего бульдога. Максимум, что ему грозит, это большой штраф.

– Но он же бандит!

– Официально Бурлаков Виталий Сергеевич – преуспевающий бизнесмен, только и всего. Но я, например, уверен, что это он заказал вашего отца.

– Как это «заказал»? – не поняла Ольга.

– Это слово из специфического бандитского жаргона. Человека заказывают, то есть его хочет убить один, а убивает другой, киллер. Кто такие киллеры, вы, надеюсь, знаете?

– Это наемный убийца.

– Вот видите, кое-что из реалий сегодняшней сумасшедшей действительности вам известно, – улыбнулся следователь.

– Значит, гражданин Бурлаков натравил на моего отца киллера? – догадалась Ольга.

– Вы умная девушка. Если вы хорошо соображаете, то сразу поймете, что доказать причастность Бурлака к убийству вашего отца практически невозможно. Ведь он убивал не своими руками.

– А киллера? Киллера найти можно?

– Статистика показывает, что заказные убийства раскрываются крайне редко. И то, если работал не профессионал. А вашего отца ликвидировал профессионал достаточно высокой квалификации. Так что вы сами прекрасно все понимаете.

– Значит, этот ваш Бурлак будет гулять на свободе?

– Мне очень жаль, – опустил голову следователь. – Но обещаю, я сделаю все, что в моих силах.

Ничего он не сможет сделать. Ольга это уже поняла. Современная машина правоохранения бессильна перед крупными бандитами.

– А где я могу найти Бурлака? – уже перед дверью контрольно-пропускного пункта спросила Ольга.

Если перед этим гадом бессилён закон, пусть он станет жертвой беззакония.

– Зачем вам это? – покосился на нее следователь.

– Я хотела бы с ним поговорить.

– Запомните, милая девушка, на вашем месте я бы обходил ресторан «Малахит» за три версты.

Значит, вот где можно найти Бурлака. Следователь и сам не понял, что сдал гада с потрохами. А может, он специально сказал про «Малахит»?.. Нет, вряд ли он знает, что она способна отомстить бандитскому авторитету.

Холостые выстрелы над могилой отца преисполнили Ольгу жаждой мести. Автоматы замолчали, но она продолжала слышать выстрелы. Выстрелы, которыми будет покончено с убийцами отца.

После похорон родные, близкие, друзья и соратники подполковника Желудева поминали покойного. Ольга хлопотала вместо матери, которая не в состоянии была что-то делать. После поминок, уже поздним вечером, Ольга оделась во все самое лучшее и вышла в город. Она начинала охоту на Бурлака.

Ох и долбанул же его по яйцам этот мудила-войка. Почитай, три дня пухли они, мешали ходить. И ни о каких бабах думать не хотелось. Сегодня уже все нормально. И ходить

можно, и девку отмочалить.

А вояка долбаный уже никогда не сможет ни на кого залезть. Похоронили его сегодня, козла вонючего. Бурлак никому и ничего не прощает. Даже посмертно.

Он сидел в своем «Малахите». Хороший ресторан. Небольшой, но уютный такой. Сервис на высоте, евростандарт. И спокойно здесь. Никаких разборок, никакой ругани, крика, гама. Сам Бурлак лично следит здесь за порядком. Это его собственный ресторан. Клиентура у него солидная, он ею, можно сказать, дорожит. Со стороны сюда не так просто попасть. Здесь собираются по вечерам крупные бизнесмены. И бандиты заглядывают, но не в спортивных костюмах и кожанках, а в клубном прикиде. Все строго, цивильно. Любо-дорого в «Малахите» посидеть, побазарить, водочки попить. И проститутки здесь козырные. Все как на подбор, на рыло клевые, и с манерами у них все о'кей. А в сексе так это ваще.

Бурлак сидел за отдельным столиком. По правую руку Гришаня, второй после него в «бригаде» авторитет. По левую – Крестовый, тоже авторитетный пацан.

С девяностого года он в «бригаде». Как с зоны откинулся, так Мыло, кент его давнишний, в свою команду его и пристроил. Много дел у них на общем счету. Рынки к рукам прибирали, техцентры, рестораны. А сколько козлов всяких в расход пустили, не перечесть. И сами под пулями побывали. Бандитская доля, она такая – сегодня ты, завтра тебя. Но он

выжил. А Мыло, царствие ему небесное, гикнулся. И вот уже больше года он, Бурлак, во главе мощной «бригады». Шутка ли, почти сотня стволов, и пацаны, в натуре, все толковые. Банки под ними, те же рынки, техцентры, рестораны. И коммерсантов дербанят, только шелест долларовых купюр слышен. Иногда, правда, и постреливают. То одного замочат, то другого. Без этого в их деле никуда.

Опасная у него профессия, базара нет. До ста лет можешь дожить, а можешь и завтра в расход пойти – снайперская пуля в мозгах поковыряется или мина в машине на Луну забросит. Может быть, потому и не задумываешься особенно над тем, пить или не пить, трахать баб или нет. Пить и трахать, однозначно. Пока жив – оттягивайся на полную катушку. Завтра уже может быть поздно.

Сегодня Бурлак заказал себе телку. Красивую, фигуристую, чтобы рот рабочий был, и по возможности чтобы малотраханая была. Надоели ему эти курвы проститутки. Каждый, кому не лень, в их передки свое дерьмо сливает. И ты в этой дерьмовой очереди.

Куда-то Прохвост затерся. Он ему телку поручил достать. Где-нибудь в городе симпатяжку закадрить и к нему сюда на тачке доставить. Уже здесь должен быть. А нету.

Да вот же он.

В зал вошел невысокого роста паренек с шустрым взглядом. Рот до ушей – улыбается. Значит, есть у него стоящий товар.

Прохвост подошел к Бурлаку, склонил голову в почти-тельном приветствии. Тот на него даже не взглянул. Мелкая он сошка, чтобы всерьез его принимать. Но рукой на свобод-ный стул показал.

– Весь город объездил, никого, – тихо сказал Прохвост, радуясь, что ему предложили место за столом. – Но тут соска одна под дверью стояла. Красивая. Нужда, говорит, заму-чила, передком на жизнь зарабатывать собирается. Нетрону-тая.

– Дебил ты, – усмехнулся Бурлак. – Разве можно всем этим дешевкам верить. Они туфту тебе вотрут и глазом, бля, не моргнут.

– В натуре, – кивнул Крестовый. – Телки они все чисто шлюхи.

– Где соска? – спросил Бурлак.

Ему все же было интересно. Баба на панель метит, но еще ни разу и ни под кем. Неплохо бы стать ее крестным папаней.

– Я ее в тачку посадил.

– В цвет, не хрена ей здесь делать, – согласился Бурлак. – В номера ее.

– Я и номер в гостинице снял, – заелозил Прохвост.

Шустрый малый, хоть и дебил.

– Щас туда и рванем, – потянулся за столом Бурлак. – Вы, братки, без меня разлагайтесь. Я через пару часиков при-скочу. Смотри, Прохвост, если девка стебаная, тебе самому шершавого вставят.

Но о своей угрозе Бурлак забыл сразу, едва только взглянул на девку. Красивая, сучка, в рот ее дери, хоть на витрину выставляй. Сидит в его «мерсе» на заднем сиденье, все в угол жметя. И на него робко так посматривает. А юбочка короткая, ноги аж до трусиков видно. Какие ножки! Он и сам не заметил, как его рука опустилась ей на ляжку. В штанах сразу стало тесно.

– Откуда ты такая хорошая? – осклабился он, пододвигаясь к ней поближе.

– Я в университете учусь, – робко ответила она, еще дальше забившись в угол.

– На каком факультете? На протитутском? – рассмеялся он собственной шутке.

А что, неплохо, если бы шлюх в университетах готовили. Впрочем, их и так там готовят. Жаль только, спецы-профессора лекции по этому делу не читают. Но ничего, студенток жизнь учит.

– За щеку берешь? – просовывая руку ей между ног, спросил он.

– Нет...

Она встрепенулась и неожиданно для него убрала руку, сжала ноги вместе.

– У-у ты какая! – Бурлак не разозлился.

Напротив, только обрадовался. Целку из себя девка строит. А вдруг и в самом деле ее еще никто не имел. Давно он уже не вскрывал опечатанных «мохнатых сейфов». И за ще-

ку она у него возьмет, никуда не денется.

У него не было сил ждать. Он уже хотел взять эту девку прямо сейчас, в машине, но «мерс» остановился. Гостиница. У Бурлака хватило терпения добраться с ней до гостиничного номера.

Люкс. Холл, спальня, душ, санузел. И телевизор с видеком. Хорошо бы порнушку поставить. Баба неопытная. Пусть учится. Надо заботиться о воспитании молодого поколения.

Он крикнул Шмеля, своего телохранителя.

– Полчаса тебе, чтобы «клубничку» приволок, – он кивнул на «ящик».

Тот сразу все понял.

– Базара нет, – и исчез за дверью.

Бурлак и девка остались одни. А ведь он даже не знает, как ее зовут. Да какая, , разница!

– Ну, чего стоишь? Скидавай шмотки!

Девка покачала головой.

– Не, ну это писец, стоит, не шевелится, глаза в пол вбила, целка гребаная.

– Вы меня извините, – испуганно посмотрела она на него. – Но я, наверное, не буду этим заниматься. Это не по мне.

– Я тебе пятьсот баксов отстегну.

Бурлак был на таком взводе, что готов был расстаться сейчас и с пятью штуками.

– Мне нужны деньги, но не за это.

– Штуку даю.

– Извините.

– Слушай, ты, коза драная, я тебя во все щели сейчас рас-
пакую, и на халяву! – взбесился он.

Нет, эта соска от него никуда не денется.

– Ты хоть знаешь, кто я?

– Знаю, – спокойно ответила она. – Вы гражданин Бурла-
ков Виталий Сергеевич.

Нижняя челюсть у Бурлака начала опускаться вниз. Да его
сроду никто так не называл! Разве что только менты.

Девка уже была не той стыдливой тихоней. Ее взгляд стал
жестким. Она смотрела на него с ненавистью.

– Ты кто, бля, такая? – напрягся он.

– Ольга Желудева. Вчера похоронили моего отца, подпол-
ковника Желудева. Ты его убил.

Точно, фамилия у того вояки Желудев. И вчера его похо-
ронили. Только как умудрилась его дочь выйти на него? И
что это ей дает?

– И тебя грохну, – набычился Бурлак. – Но сначала шер-
шавого в очко вставлю, вафлежуйка ты хренова!

– Нельзя с женщинами так грубо, – укоризненно покачала
она головой.

– Да в рот тебя!

Он сорвался с места и без размаха направил удар раскры-
той ладонью ей в лицо. Девка среднего роста, худощавая.

Стукни, и переломится. Только что это? Рука проходит мимо цели. И тут же оказывается в тисках тонких женских рук. Ну и силища!

Заламывая руку Бурлаку, Ольга использовала его же собственную энергию, только изменила ее полярность. Она развернула бандита вокруг оси, и тут же двумя согнутыми пальцами ударила его в точку на затылке. Тело «бригадира» обмякло.

Она усадила его в кресло, сунула руку ему под пиджак. Так и есть, он вооружен. Отечественный «АПС» с миниатюрным одноразовым глушителем, неплохая вещь.

Через минуту Бурлак пришел в себя. Глаза его округлились, в них застыл страх, когда он увидел направленный на него пистолет.

– Ты спустил собаку на мою маму, – сказала она. – Ты покалечил ее. Ты хотел избить моего отца. Но досталось тебе самому. Все было по-честному. Зачем ты убил моего отца?

– Я не убивал, – в голосе грубого, надменного бандита была паника.

Все они герои, когда на коне. А когда в дерьме, смотреть противно.

– Не ври!

– Слушай, че ты, в натуре, выкобениваешься? Хочешь, я тебе бабок отстегну? Десять штук баксов.

– Дешево ты оцениваешь свою жизнь, – усмехнулась Оль-

га.

– Ты пушку даже с предохранителя не сняла.

Бандит, похоже, оправился от страха. И уже ищет путь к спасению. Расстояние между ними два шага, не больше. Сейчас она посмотрит на пистолет, снят ли он с предохранителя... А бандит бросится на нее, обезоружит. Только сказки про предохранитель не про нее.

– Я с малых лет к пистолету приучена. – Ни одна черточка не дрогнула на ее лице. – Сейчас закрою глаза, и вслепую всажу в тебя сразу три пули. И все они попадут в одну точку. Давай поспорим, что не вру.

– Не надо!

Он поверил ей – побледнел.

Спорить он явно не хотел. Она тоже. Кто будет долг тогда отдавать?..

– Зачем ты убил моего отца?

В этот раз она уже знала, что получит ответ.

– Он оскорбил меня, – выдавил из себя бандит.

Значит, следовательно был прав.

– Только я не убивал.

– Я знаю, – спокойно ответила Ольга.

– Так чего ты от меня хочешь? – Из его груди вырвался облегченный вздох.

– Отца моего убил киллер. Но заказал его ты. И ты мне сможешь найти этого киллера.

– Помогу, – Бурлак с готовностью ухватился за шанс спа-

сти свою шкуру.

– Где он? Как его найти?

– Лопух его кликуха. Не, он, в натуре, не лопух. Шарит пацан крепко, прирожденный убийца. Я его сам уже хотел убрать. Пора было. Но он меня обстебал, слинял по-тихому. Как твоего папашу разменял, так в бега и подался. Нюх у него волчий.

– Как его найти?

– Не знаю, гадом буду, не знаю. Мы его вместе искать будем, ладно? Только ты пушку-то убери.

– Хорошо, будем искать вместе, – Ольга опустила руку с пистолетом и повернулась к бандиту спиной.

И тут же резко развернулась к нему лицом. Как будто знала, что он предательски нападет на нее из-за спины. Впрочем, предугадать его поведение было нетрудно. Но в данном случае ею руководило кошачье чутье.

Костяшки пальцев врезались Бурлаку в висок. Бандит захрипел, выкатил глаза. Ольга била навверняка, резко, сильно, направляя энергию в глубинную точку. На пол бандит упал уже мертвым.

Нет, в его помощи она не нуждается. Она сама найдет Лопуха. Да это и не обязательно. В смерти отца виновен прежде всего заказчик, а он уже наказан. Справедливость восторжествовала. И все же она найдет киллера.

Мозг Ольги работал четко. Никакой паники, никаких эмоций. Она действовала так, как будто убивала каждый день в

течение нескольких лет подряд. Она должна была продумать каждую мелочь.

Ольга усадила труп в кресло, достала носовой платок, стерла с пистолета свои пальчики, вложила его в руку покойного. Она собиралась инсценировать самоубийство. Мало ли какие могут быть у бандита причины для этого.

И тут в номер вошел телохранитель Бурлака. Он потерял дар речи, увидев своего мертвого шефа. Но замешательство его длилось не больше секунды. Рука бандита потянулась под куртку. Однако момент был упущен. Ольга выстрелила первой, с руки покойного. Пуля продырявила телохранителя череп.

И тут же грянул новый выстрел. Уже не приглушенный. Пуля пробила покойному Бурлаку висок. Ну все, дело сделано, пора уходить.

Ольга прекрасно отдавала себе отчет в содеянном. Она убила крупного питерского авторитета. Ее будут искать. Нет, не милиция – хотя и это не исключено. Ее будут искать бандиты. Вряд ли они примут версию самоубийства. Рано или поздно ее вычислят. И тогда никто не сможет помочь ей. Против целой «бригады» она бессильна.

Два дня она подбиралась к этому уроду. Но ее не пускали в «Малахит». За проститутку принимали. А здесь свой контингент. Чужих сюда не пускают. Что ж, проститутка так проститутка. Ею она и прикинулась, когда к ней подошел

юрский паренек, которого она видела рядом с Бурлаком. Как будто чувствовала, что бандит ею заинтересуется. И заинтересовался ведь – на свою погибель.

Нога у мамы распухла. Рана загноилась, кожа вокруг посинела. Ее отправили в больницу. Ольга тем временем готовилась к переезду в Подмосковьё, к бабушке, маминой маме. Она заметала за собой следы. И прежде всего с разрешения начальника строевой части просмотрела личное дело отца. Нигде не был указан адрес, по которому живет его теща. Значит, и в других двух экземплярах дела, которые хранятся выше, ничего нет. И в других документах нет адреса Анны Игнатьевны. Так что бандиты не докопаются. Если, конечно, начнут копать.

Она продала по дешевке мебель, собрала вещи, всего два чемодана. Отнесла их в камеру хранения на вокзал. Купила билеты на завтрашний поезд. И отправилась в больницу. Всеми правдами и неправдами добилась перевода матери в другую больницу. В какую именно, она соврала.

И вот они трясутся в поезде.

– Ольга, куда мы? – Мама сначала не могла понять, почему они уезжают.

– К твоей маме.

– А как же Санкт-Петербург?

– Там много бандитов, – туманно намекнула Ольга.

Как ни странно, мама все поняла. И больше уже ни о чем не спрашивала.

Бабушка встретила их приветливо. Только все плакала, сокрушаясь о разбитой судьбе дочери. В тот же день маму положили в больницу.

А через день Ольга выслушала приговор.

– У вашей мамы гангрена, придется отнимать ногу, – грустно вздохнул врач.

– И ничего нельзя сделать?

– Увы, ничего.

Вечером того же дня маму прооперировали.

Еще недавно красивая, цветущая женщина теперь превратилась чуть ли не в старуху. И все по вине бандитов. Ольга нисколько не мучилась угрызениями совести, когда думала о Бурлаке.

Бабушка жила одна и бедно. Двухкомнатная «хрущевка» в маленьком подмосковном городишке, ветхая мебель, мизерная пенсия, которую съедала инфляция. Мама – инвалид. Ей нужны лекарства, причем дорогие. Словом, Ольге пришлось задуматься о работе.

Глава четвертая

До Санкт-Петербурга добирались пять суток. Ехали только ночью. Днями скрывались в придорожных лесках. Как партизаны фашистов, так они боялись ментов и гаишников. Не дай бог, ненароком кто-нибудь да остановит, документы проверит. А они уже во всесоюзном розыске. Тогда все, приплыли.

Но все обошлось. До Питера добрались без приключений. А вот и знакомые ворота контрольно-пропускного пункта их части.

Только Толик остановился, как из серого строения вышел дневальный в теплой камуфляжной куртке, на поясе штык-нож.

– Да это ж Лимон, – узнал своего старого друга Максим.

И месяца не прошло, как он уволился. И вот он снова здесь, как и обещал.

Он вышел из машины.

– О! Макс! – обрадовался Лимон. – А то прапор тут задолбал, смотри, бля, кто к нам подъезжает.

– Чего?

– Да Желудева убили. Бандиты.

– Желудева? Командира? – Максим оторопело уставился на Лимона.

– Ну да. Козел одну собаку на его жену натравил. Ну, Желудь и собаку и козла этого наказал. А потом на киллера нарвался. Не буду утверждать, но так говорят. На прошлой неделе его похоронили.

– А где его дочь? – в тревоге спросил Максим.

– Ольга? Нету ее. Собрала вещи и куда-то уехала. Вместе с матерью.

– Куда?

– Никто не знает.

Все, приехали.

– Вообще никто?

– Слушай, кто там в машине, за рулем? – Лимон заговорил тише.

– Да это Бугай, он почти два года как дембельнулся. Здесь, в нашей части служил.

– Да? – протянул Лимон. – Тогда можно.

– Что можно?

– Я не утверждаю, но, похоже, Ольга козла, который Желудя приговорил, шлепнула.

– С чего ты взял?

– Какие-то типы ее ищут. Чистые бандиты. Морды во-о, глаза как у покойников. Вчера приходили. Да вон они и сегодня едут.

Кивком головы Лимон показал в сторону. На дороге перед оврагом, где когда-то Ольга отметелила двух алкашей, остановилась белая «Тойота». Из нее вышли два качка в ко-

жанных куртках на меху. Точно, бандитские рожи.

– Вчера насчет Ольги пытали. Где она, мол, как ее найти. Только ничего они не узнали. Но вроде как им обещали помочь. Говорить не буду кто, а вдруг это за бабки. А там, где бабки, все круто завязано.

Насчет бабок Лимон стопроцентно прав. Значит, кто-то из части проданся. Но кто?

– Да я и не спрашиваю, – равнодушно зевнул Максим. – Ладно, Лимон, мы поехали. У нас тут в Питере дела. Вечерком как-нибудь заскочим.

– Ну, бывай, – Лимон протянул руку.

Максим спровадил его и забрался в машину.

– Ну, че? – лениво спросил Толик.

– Командира убили, Желудева.

– В натуре?

– Ну не на картине же!

– Кто?

– Вроде как бандиты. За жену он заступился. Короче, скоро мы все узнаем. Видишь, два козла идут?

Двое в кожаных куртках уже подходили к контрольно-пропускному пункту.

– Ну?

– Ольгу мою ищут. А она в бега подалась. Скрывается от них. Надо их сделать.

– Да без проблем.

– Готовь стволы.

В «Тойоте» с правым рулем, стоявшей за оврагом, сидел водила. Бритоголовый, морда два на два, кирпича просит. Кожаный прикид. Максим даже серебряную цепочку у него на бычьей шее увидел. Не «левый» он, это ясно как божий день. Такой же бандюга, как и эти двое. Так что против него и Толика трое. И все, ясное дело, вооружены. Не так-то просто взять их на прицел и выбить из них информацию. Но они это сделают.

Толик принялся вскрывать тайники, извлек на свет божий свой «макаров», Максиму достал обрез.

Они дождались, когда крепыши переговоят на КПП с прапорщиком. Максим видел, как тот с сожалением отрицал что-то, мотая головой. Один из кожаных, видно, с досады, хлопнул его по плечу. На этом они и расстались. Прапор скрылся в дверях контрольно-пропускного пункта, бандиты двинули к своей машине.

– А теперь поехали. Легонечко так, легонечко царапни иномарку.

– Бамперочком я ее щас, бамперочком, – злорадствуя, потер ладони Толик.

«Нива» тронулась с места и плавно покатила по дороге. Медленно, но уверенно приближалась к «Тойоте». И вот он, момент истины. Легкий скрежет возвестил о начале операции.

Толик начал тормозить. Максим оглянулся. Увидел, как выскакивает из иномарки водила.

Из «Нивы» они вышли сразу оба. Толик выступил вперед, Максим встал за ним сзади.

– Э-эй, ты че, мудила? – промычал бандит, готовый наброситься на Толика с кулаками.

Возможно, он бы и ударил. Да чего-то испугался. Хотя почему «чего-то»? Толика испугался. Крепкий он, косая сажень в плечах. Не пальцем, сразу видно, деланный. И кулачищи будь здоров, и сила в каждом движении наружу прет. Только на лице у него заискивающее выражение. Как будто боится он этого придурка из «Тойоты».

– Извини, брат, не видел я, – пролепетал Толик.

Водила оглянулся. Прикинул расстояние до двух своих корешей. Они совсем близко. Это развязало ему и язык, и руки.

– Козел ты, в очко тебя дери! – Аж пена изо рта полезла. – Ты мне тачку угробил.

Он провел пальцем по свежей царапине. Ничего страшного, тем более что машина была не новой, местами поцарапанной.

– Извини, братан, – продолжал Толик.

– Хрен тебе конский братан! Я с тебя, бля, все бабки скачаю.

Тут подошли два кожаных крепыша.

– Че тут за базар? – лениво спросил один.

Его массивные челюсти двигали жвачку.

– Да вот, уроды стебанные, наехали, – водила показал паль-

цем на Толика и Максима.

– Наехали? – Качок даже выплюнул жвачку. – Да я вас, гондонов!

– Да не в том смысле наехали, – жалобно промямлил Толик. – Мы машину вашу нечаянно задели.

– А-а, – успокоился бандит.

И полез в карман за новой пластинкой жвачки.

– Короче, придурки, – сказал второй мордovorот, – завтра тачка чтобы как новая была. И две штуки баксов штраф с вас.

– Но у нас нет таких денег, – выступил из-за спины Толика Максим.

Казалось, он вот-вот заплачет.

– А это че за мудозвон? – гоготнул первый бандит. – Сам на педераста чисто похож, и голос типа петушиный.

– Я не педераст, – скуксился Максим. – Я автомеханик. У нас тут мастерские неподалеку. Мы на японских иномарках специализируемся. И отрихтуем, и покрасим, и движок сменим, и ходовую. Тут больше чем на две штуки баксов.

– Поехали, Рыдван, – бросил водиле первый качок, усаживаясь на переднее сиденье. – Тачку у этих козлов бросим, сами на «моторе» укатим.

Он уже считал, что рихтовка, покраска и смена мотора вместе с ходовой частью дело решенное.

Бандиты заняли свои места, Максим и Толик – свои. «Нива» поехала впереди, «Тойота» следом. Остановились на от-

резке дороги, проходившей между заснеженным леском и громадами новостроек. До высотных домов – метров двести через пустырь. Вокруг ни души. Тишина, только воронье карканье и слышно. Идеальное место.

– Ну, бля, держитесь, уроды, – выскакивая из машины, процедил сквозь зубы Толик.

Первым из иномарки выскочил водила. Он сам бандит, но вроде «шестерки». А пыжится так, будто козырной валет.

– Че, бля, застопорились? – прорычал он. – Какого хрена?

Он снова был готов ударить Толика. И в этот раз не сдержался. Только ничего у него из этого не вышло.

Толик ловко увернулся от удара и нанес ответный. Согнутыми в фалангах пальцами в кадык. Водила захрипел, закатил глаза, рухнул на снег, задергался. Ничего, выживет.

Другие двое ничего не успели понять, как оказались под прицелом сразу двух стволов. Максим держал под дулом обреза того, который спереди. Толик кошмарил «макаром» второго.

– А теперь поговорим, – спокойно сказал Максим.

Хищный прищур, жесткий взгляд, напряженное лицо, мощная внутренняя сила. От него исходила смертельная опасность.

– Чего тебе? – спросил бандит, побелев как полотно.

– Из Челябинска мы. Под Рекрутом ходим. – Кличку несуществующего авторитета Максим придумал на ходу. – Слышал о таком?

– Да нет.

Не врет, и то хорошо.

– Ты, короче, сестренку мою пасешь. А я за нее сейчас тебе башку снесу.

Для пущего устрашения Максим щелкнул затвором. На снег полетел неиспользованный патрон.

– Э-э, да ты че? – вздрогнул мордоворот. – Мы же не по своей воле. Нас Вулкан послал.

– На кой хрен?

– Твоя сестренка «бригадира» нашего завалила.

Значит, Лимон ничего не насочинял.

– Кто это видел?

– Никто. Зато Бурлака до того, как его вальнули, с твоей сестренкой видели.

– Кто на Ольгу наводку дал?

– Да прапор один, из штаба, в документах рылся. Мы ему стольник «зеленью» отвалили.

– И?..

– Да ни хрена не узнали. Гадом буду!

– Короче, вы сестренку мою не ищите, а то пулю найдете.

Все, пока!

Максим сделал неувовимо быстрое движение, и рукоять обреза врезалась бандиту в висок. Тот дернулся и осел на сиденье. Не скоро очухается. Одновременно вырубил своего подопечного и Толик. На прощанье они избавили бедолаг от стволов. Одному достался «люгер», другому «ЗИГзауэр».

Неплохие «машинки». У водилы под курткой нашли отечественный «ТТ».

– Уносим ноги, – сказал Толик, срывая «Ниву» с места.

Машина взяла курс на выезд из города. Отныне в Питер им путь заказан. Впрочем, никто из двоих об этом особенно и не жалел.

– Как мы их? – возбужденно спросил Толик.

– Нормалек!

– То-то же! Слушай, жрать охота, не могу.

У них есть машина, четыре пистолета, обрез, но нет ни куска хлеба. Балык осетровый еще вчера доели. Да, подкрепиться бы сейчас не мешало. Но есть только бензин, на последние деньги купленный.

– Снимай ботинок.

– Э, не-е, – протянул Толик. – Здесь не Аляска, а я не Чарли Чаплин. Башмак свой варить и есть не стану.

– А зачем что-то варить? Просто палец на ноге пососешь. Может, легче станет.

– Соли у нас нет, чтобы посолить его. А так я не могу. Я лучше в ресторане пообедаю. И деньжата у меня есть.

Торжествуя, Толик достал из кармана стодолларовую купюру и выставил ее на обозрение.

– Ну, как тебе мой продаттестат?

– Неплохо, – удивился Максим. – Где взял?

– Да у бандюги своего одолжил. Дай, говорю, до зарплаты.

– Он не возражал?

– Само собой. Жаль, надо было больше попросить.

– А еще стволы нужно спихнуть, – подал идею Максим. – Чем быстрее, тем лучше. Нечего целый арсенал с собой возить. Да и бабки можно за пушки неплохие поиметь.

– В натуре, еще погорим на этом дерьме, – не стал спорить Толик.

– Ты давай на Москву курс бери.

– Почему на Москву?

– Искать нас будут. А Москва город большой. Затеряться там как два пальца...

– Логично.

Где-то в Подмосковье Ольгина бабушка живет. Она говорила. Только город и улицу не уточнила. Искать Ольгу нужно у бабушки.

В Москву они въехали по Ленинградскому шоссе. В Химках на черном рынке сбыли каким-то нерусям-мандаринщикам стволы. Все три, которые изъяли у бандитов в Питере. Хороших денег за них не предложили. А искать других покупателей опасно. Можно засветиться. Благо эти подвернулись. За сто баксов уступили. Какие-никакие, а деньги.

– А ты знаешь, Макс, понравилось мне бандитов потрошить. Давай так каждый день. Хоп, руки за голову, стволы сюда, и по сто баксов в фонд безвозмездной помощи.

– Ты это серьезно?

Вроде не июль месяц на улице, солнце не жаркое, а голову

Толику нагрело.

– Шучу, конечно.

Это хорошо, если шутит.

– Бабки нам все одно зарабатывать надо. Я, например, на гитаре играть могу.

– А я ни петь, ни играть. Разве что на нервах.

– Тогда отпадает. Одному в подземном переходе петь не с руки.

– Какие, , переходы?

– Подъем, товарищ сержант! – заорал над ухом Бугай.

Максим продрал глаза, поднялся с разложенного сиденья, выполз из машины в холод декабрьского утра. Спали они в машине, на платной автостоянке. Сторожу отстегнули, чтобы не возникал.

– Навести в машине порядок. Десять минут времени вам даю!

Блин, сегодня Толик старший машины. Это значит, что убирать сегодня очередь Максима.

А в машине и правда бардак. Проветрить надо – носками стоячими воняет. Кстати, неплохо бы в баньку сегодня сгонять. Чехлы надо вытрясти, коврики вымыть. Хорошо, что снаружи «Ниву» надраивать не надо. Вчера Толик «дневал-лил», машина с вечера блестит.

Порядок навели, поехали в кафе позавтракали.

– А теперь за работу, – сказал Толик.

– Именно?

– Таксовать будем. Давай, бомж, вали на заднее сиденье.

Спереди клиент сидеть будет.

– А ты Москву-то знаешь?

– Тпр-ру! Приехали!

Толик почесал затылок.

Через полчаса в его руках был справочник по Москве. До самой темноты сидел над ним, спины не разгибая.

С утра следующего дня он повел свою «Ниву» по предпринимательскому пути. Ездил он хорошо, отлично ориентировался в любых дорожных ситуациях. И вроде как Москву уже знал неплохо. Но это если ему верить.

– А вот и первая рыбка, – сказал он, довольно грамотно оттеснив в сторону желтую «двойку», пытавшуюся причалить к девушке с поднятой рукой.

«Нива» остановилась аккурат рядом с ней. Толик потянулся и сам лично открыл дверь.

– Прошу, мадам!

Если честно, Максим сомневался, что девушка сядет в машину. Что ни говори, а остаться наедине с двумя молодыми людьми в замкнутом пространстве салона довольно-таки опасно. Тем более если у тебя есть чем поживиться. А этого добра на девушке хватало. Короткий полушубок из пса, в ушах дорогие сережки, и пальцы золотыми колечками унизаны. В руках кожаная сумка от Гуччи, наверняка там денежки водятся. И сама вроде ничего. Лицом, правда, не

очень вышла. Широкие надбровные дуги, слегка приплюснутый нос, толстые губы. И прыщавая. Зато ноги – высший класс. Наверняка из-за них короткий полушубок носит.

Но девушка даже не взглянула на них. Легко впорхнула в машину, удобно устроилась на сиденье.

– К эмгэу, – коротко бросила она.

– Не понял, – выразительно посмотрел на нее Толик.

– Московский государственный университет, – по-прежнему не достаивая его взглядом, объяснила она.

– Теперь понял, – важно кивнул он и выжал сцепление.

– А вы не боитесь ездить одна? – спросил Толик, когда машина уже лавировала в автомобильной толчее оживленных улиц.

– Чего бояться? – пожала плечами девушка.

– Ну, бандитов, например.

– Бандитов?.. Глупость какая!

– Почему глупость? – удивился Толик, да и трудно было не удивиться.

– Вы лично видели когда-нибудь хоть одного бандита? –

Она по-прежнему смотрела только прямо.

– Ну не так чтобы часто.

– Не врите, вы ни разу их не видели. Бандитов только на страницах детективов полно. И по «ящику» их еще часто показывают, чтобы людей пугать.

Если она говорит всерьез, то она полная идиотка. А еще в университете учится. Максим с недоумением смотрел на

нее.

– Эй, остановитесь! – Девушка повысила голос.

Бугай не заставил просить себя дважды.

– В чем дело? – спросил он, когда машина замерла на обочине.

– Мы едем совсем в другую сторону.

– Да? – Он хлопнул себя по лбу. – Извините, а где этот ваш эмгэу?

Вот так так, знаток Москвы, зубрила хренов! Максим едва удержался, чтобы не рассмеяться.

– На Воробьевых горах.

– А где это?

– Из какой деревни вы приехали? – строго, как учительница нерадивого ученика, спросила девушка.

– Деревня Кузькина Мать.

– Вот в Кузькину Мать и поезжайте!

Она открыла дверь и выскочила из машины. Но далеко не ушла.

Максим видел, как словно из-под земли перед ней выросли два мрачных типа с небритыми физиономиями. Один схватил ее за руки, другой – за ноги. И потащили к желтой «двойке», стоявшей сзади. Видел все это и Толик.

– Во, бля, охренели гады! – Он открыл дверь.

Но выскочить наружу не успел. В живот ему ткнулся ствол «нагана». Прямо ему в лицо дышал перегаром здоровенный детина лет под сорок. На левой щеке у него был глубокий

шрам.

– Тихо, пацаны! – Он посмотрел и на Максима. – Не дергайтесь и будете живы.

Толик не мог его нейтрализовать: находился в неудобной для этого позе. А про Максима и вообще говорить нечего. Куда ему, если в машине всего две двери – никакого маневра. И стволы в тайнике, быстро их не достать.

«Двойка» забрала девушку, подъехала к мужику с «нагагом». Не причинив ни Толику, ни Максиму никакого вреда, тот нырнул в машину, которая сразу рванула вперед.

– А мы за ними, – Бугай пустил «Ниву» вслед за «двойкой».

– Зачем тебе это нужно? – спросил Максим.

– Да знаешь, надо все-таки узнать, где этот чертов университет находится.

– А, ну да.

Отговаривать Толика бесполезно. Впрочем, Максим и не собирался этого делать. Девчонка попала в беду, и ее нужно выручать.

Александр Михайлович Самсонов рос в неблагополучной семье. Отец пьяница. Мать шлюха. Дома вечные скандалы, пьяные разборки. И самого чуть по кривой не понесло. Шумные компании, драки на дискотеках, пьянки до утра. И хулиганили. Сначала по мелочам, беспричинно. Потом начали грабить прохожих. Вовремя его забрали в армию. А через

месяц после этого всю их компанию замели менты, кентам навесили сроки. Девчонку одну в парке подловили, дочиста обобрали, а напоследок изнасиловали. До сих пор Александр Михайлович нет-нет да перекрестится, вспоминая те лихие времена.

После армии он закончил институт советской торговли, женился, дочь у него родилась. Майя. Сейчас ему уже за сорок. Дочери – восемнадцать. Еще совсем недавно он был обыкновенным завмагом. Был грех, не сторонился левого дохода, но чтобы нагнать сверх меры – этого за ним не водилось. Потом приватизация. Ужом вывернулся, но забрал в свое владение магазин, назвал его громко – супермаркет. Евроремонт там сообразил, витрины роскошные, вывеска – любо-дорого смотреть. И деньги немалые в обороте крутятся.

Александр Михайлович был доволен своей судьбой. Все у него есть. И деньги, и квартира четырехкомнатная, и машина, особняк загородный достраивает. Только любовницы в этом джентльменском наборе современного бизнесмена нет. Да она ему и не нужна. Семье своей он предан. Жену любит. Дочь обожает. От всех бед и жизненных невзгод Майю оградил. В тепле и довольстве дочь растет, слова грубого в доме не услышит. Одевается всем на зависть. В кошельке всегда купюры хрустят. Школу закончила с серебряной медалью, в университет поступила. Ездит туда на своей собственной машине, на новой «восьмерке». Только вот беда, вчера в пово-

рот не вписалась, смяла правое крыло. Машину в ремонт, а она сегодня в университет на такси. Ничего, он в свое время в институт на троллейбусах и в метро добирался.

Александр Михайлович сидел в своем офисе, с удовольствием втягивая в себя дым дорогой сигареты. Зазвонил телефон. Самсонов не спеша потянулся к аппарату. Суетливость – удел плебеев. А он человек светский.

– Да, – бросил он в трубку.

– Господин Самсонов? – Голос сухой, неприятный.

– Он самый.

– Ваша дочь у нас в руках.

Александр Михайлович похолодел:

– Не понял.

А может, он и в самом деле не так все понял?..

– Если хочешь видеть свою Майю живой, готовь тридцать «тонн» баксов. Завтра к утру чтобы все было в ажуре.

Нет, он понял сразу и все правильно. Дочь похитили с целью выкупа. Тридцать тысяч баксов. Но это не так уж много. По-божески, можно сказать.

– Я вам не верю.

Действительно, а с чего он им должен верить?

– Сейчас поверишь.

Через несколько секунд Самсонов услышал всхлипывания дочери.

– Папа?

– Да, Майка, да!

– Папа, помоги... Они украли меня. Мне страшно!

На этом ее голос оборвался.

– Ну что? – спросил похититель.

– Деньги будут.

– Вот и ладненько. Завтра утром позвоню.

На том конце провода положили трубку. Короткие гудки отдавались в ухе гулом тревожного набата. Майя похищена, ей грозит опасность. Он получит ее только завтра утром. Но за это время может всякое случиться. А вдруг ее изнасилуют? Девочка этого не переживет. Она такая ранимая.

Тридцать тысяч долларов – сумма не такая уж и большая, но нужна наличка. А с ней всегда проблемы. Есть у него должник, Колька Верещагин, однокашник. Сейчас он владеет ночным клубом. Бар, ресторан, диско-шоу. Круто развернулся деятель. Деньжата у Самсонова водятся. Сорок тысяч долларов занял он у Самсонова месяц назад. Пора уже и отдавать.

Александр Михайлович набрал знакомый номер.

– Привет, Николай! Это Самсонов.

– А-а, Самсон, – вяло отозвался Верещагин. – Давно не виделись.

– А пора бы уже. Должок за тобой, пора и честь знать.

– О чем ты?

– Сорок тысяч долларов. Казино ты хотел раскрутить.

– С казино у меня все в порядке, но я тебе ничего не должен, – в голосе у Кольки звучало удивление.

Он что, совсем?.. Самсонову стало не по себе.

– У тебя что, память отшибло?

– А у тебя есть чем о долге напомнить? Распиской, например?

Расписки с него Александр Михайлович не брал. На честное слово понадеялся. Ну и гад!

– Нет у меня никакой расписки.

– Ну тогда о чем разговор? Я тебе ничего не должен.

Верещагин бросил трубку.

Вот сволота! На сорок штук хочет кинуть его. Или уже кинул?.. Ну нет, этот номер с ним не пройдет!

Как и у всякого бизнесмена, у Александра Михайловича была своя криминальная «крыша». Он исправно отстегивал бандитам, а те исправно оберегали его от всяких наездов со стороны. На этом их отношения исчерпывались. И слава богу! Если бандиты проявляют к тебе большое участие, создают, например, все условия для процветания твоего бизнеса, тогда берегись. Тебя растят как «кабанчика». Разжиреешь и под нож пойдешь, а все твои капиталы тью-тью, на корм бандитам. Из этих соображений Самсонов боялся впутывать своих «крышников» в личные дела. Даже о похищении дочери не собирался им ничего говорить. И в историю с Верещагиным впутывать их не следует. Они ему помогут, а потом удавку на шее затянут. Но все же если Верещагин не одумается, придется жаловаться Кадету, бандитскому авторитету.

С Верещагиным он разберется чуть позже. Сейчас главное

Майя. Нужно срочно собрать требуемую сумму. О том, чтобы обратиться за помощью в милицию, он даже и не думал. Любая оплошность со стороны ментов может стоить Майе головы. А напортачить эти товарищи могут запросто.

Уже к обеду в «дипломате» Самсонова лежало ровно тридцать тысяч. Он готов был отдать их в обмен на дочь прямо сейчас. Но похитители почему-то не торопятся. Скоты! Уроды! Падлы!..

Вот уже восемнадцать лет, как она живет на белом свете. Хорошо живет, грех жаловаться. В квартире у предков и сухо, и тепло, и комфортно. По окончании школы папун тачку подарил, «восьмерку». Экзамен на права она сдала легко и быстро. Поступила в престижный вуз, на своих колесах туда добирается. Только машина в ремонте. Зазевалась, крыло об угол дома смяла. Хорошо, что не на полной скорости шла, могла бы и убиться.

На занятия она сегодня ехала на такси. «Ниву» поймала. Парнишка молодой за рулем. Язык как помело. И внешность вроде ничего. Только города совершенно не знает. Смехота. Но ей было не до смеха. Попросила остановить. Остановили. И на тебе, тут же ее похитили какие-то негодяи. Откуда-то со стороны подскочили, руки за спину заломили, сковали наручниками – и в машину. Хлоп, хлоп! Дверцы закрыты. Она в ловушке. Ну за что ей такое наказание?..

– Помогите! – закричала она.

– Тихо, сука! – прошипело над ухом.

И тут же ей рот перетянула широкая лента скотча. Машина тронулась с места.

Майя привыкла жить в сытости и довольстве. Для нее существовал только один мир. Мир, который приспособливается к ней. В нем все так легко и просто. Но был еще и другой мир. В нем жили люди, которым не выпал жребий родиться под счастливой звездой. Бомжи, нищие, неудачники. А еще бандиты с их постоянными войнами за место под солнцем. Кровь, грязь, насилие, деньги. Майя знала о существовании «подлунного» мира. Но она почему-то всерьез считала, что он существует вне ее собственной реальности. И даже имела неосторожность это утверждать. Тот парень из «Нивы» смотрел на нее как на идиотку. А она и есть идиотка!..

Ее похитили. Тут и гадать не надо. Похитили бандиты. Только зачем?..

«Двойка» шла по Ленинградскому шоссе к выезду из города. Майя сумела разглядеть это, хотя с двух сторон ее сжимали два похитителя. Оба рослые, крепко сбитые. Морды страшные, обросшие жесткой щетиной. А еще от них воняло потом, нечищеными зубами и грязными носками. Бомжи какие-то, а не бандиты.

С нее не пытались снять дорогую шубку, драгоценности. Значит, ее не собираются грабить. Или, по крайней мере, собираются не сейчас.

Один из похитителей вдруг просунул руку ей между ног,

закрытых от взгляда только тонкими телесного цвета колготами.

Ее хотят изнасиловать!.. Майя была близка к обмороку. Не то чтобы она уж очень дорожила своей девственностью, но быть растоптанной и униженной какими-то уродами? Ну уж нет!

Она затрепыхалась, пытаясь отделаться от насильника, но куда уж там со скованными руками! Его лапа уже добралась до запретного места. Майю чуть не стошнило.

Сейчас ее изнасилуют, а отпустить не отпустят. В последнее время, она читала, вошли в моду изнасилования со смертельным исходом. Никогда не думала она, что это может коснуться ее самой.

– Совок, ты че там, бля, творишь? – полуобернулся с переднего сиденья главный бандит.

В старой, но вполне пристойной на вид дубленке и норковой шапке, этот похититель выгодно отличался от двух других и от водителя. А еще у него был «наган». Майя видела, как он сунул его в карман, усаживаясь в машину. Она заметила, как он держал на прицеле водителя «Нивы», того самого парня, который плохо знал Москву. Уж лучше бы она объяснила, как доехать до университета!

Тот, которого называли Совком, рывком убрал руку. Но глаза по-прежнему маслилились от похоти. Он смотрел на Майю с поганой ухмылкой.

Главарь похитителей заступился за нее. Значит, она нуж-

на ему не для гребли. Значит, шантаж или выкуп. Так оно потом и оказалось.

Машина свернула в проулок и въехала во двор какого-то дома. Бандит достал сотовый телефон, набрал номер. Майя услышала, как он назвал фамилию ее отца. Потом речь зашла о выкупе. Тридцать тысяч долларов. А после она говорила с отцом сама. Молила о помощи. Но недолго. Бандит пообещал позвонить завтра утром и защелкнул крышку на телефоне.

Тридцать тысяч долларов. Не такая большая сумма. Отец мог бы уже и к обеду обернуться. Зачем тянуть до следующего утра?.. Майе стало еще страшней.

«Двойка» снова куда-то поехала. Примерно через полчаса остановилась во дворе пятиэтажного дома где-то в Марьиной Роще.

– Жить хочешь? – спросил Майю главный похититель.

Глупый вопрос. Конечно, хочет.

– Ну.

– Тогда будь умницей. Выйдешь из машины и спокойно в подъезд. Побежишь или позовешь на помощь, получишь пулю.

Он показал ей «наган». Мог бы и не показывать. Ей было и без того страшно. Куда уж тут бежать.

Ее привели в двухкомнатную «распашонку» без мебели. Маленькую комнату отвели ей. Ободранные обои на голых стенах, облупленная краска на голых, без занавесок оконных

рамах. На полу валялся старый запыленный матрац. Место для ночлега или «ложе любви»?.. Майя с отвращением перехватила похотливый взгляд Совка. И его приятель тоже смотрел на нее не без гнусного умысла. Сейчас они раздевают ее только глазами, а что будет дальше?..

Весь день Майю не трогали. Она сидела в углу комнаты на матраце и мысленно старалась отрешиться от угнетающей действительности. Это ей не удавалось. В комнату то и дело заглядывали похитители.

Совок откинулся с зоны полгода назад. Пьяного обчистил до нитки, за это срок и отмотал. Вторая ходка, «пятилетка». На свободе случайно встретился с Мазутом, вместе зону когда-то топтали. А тот как раз команду набирал. Хлыст, Жлоб, тоже из татуированных. Но так, мелкая сошка. Впрочем, и сам Совок не очень котировался. Водился за ним грешок – не по теме любил языком чесать, врал много, больше собственного веса тянул. Не больно-то жаловала его за это братва на зоне. А вот Мазут – тот в авторитете. Не так чтобы уж очень, но для Совка, Хлыста и Жлоба достаточно. Его слово для них закон.

Мазут не хилым делом предложил заняться. Вычислить какого-нибудь «карася», подцепить на крючок кого-нибудь из его семьи – и вперед, за выкупом. Чего тут сложного? Только много не просить. Большие деньги – большие проблемы. А это пахивает встречей с ментами.

Первый раз банкира одного на женушку молодую крута-нули. Сняли квартиру на пару дней, машину раздобыли, девку выследили, сломали ее, с собой забрали. Мазут с банкиром по левому, неучтенному, сотовому связался. Сорок штук баксов запросил. Сработало. «Карась» легко расстался с бабками. На следующий день банкир свою женушку получил обратно. Грех ей было жаловаться на дурное обращение. И поили ее, и кормили, а Совок даже вместо мужа с ней по-был. Цивильно трахнуть хотел. По стакану портвешка сначала хлобыстнуть, красивых слов наговорить, а только потом сделать ей приятное. Она пить с ним отказалась, гнать от себя стала. Ну и пришлось по морде ладонью укатать, а дальше за волосы и в позу. Нанизал ее на кукан как миленькую. Только Мазут потом его чуть не схавал. Так нельзя, мол, у нас все по-честному. И как точку в конце предложения кулаком под глаз хрясь!.. С тех пор Совок на пленниц только в мыслях залазит. А их хватало. Дочь чиновника какого-то, сестра нового русского.

А сегодня зацапали дочь одного коммерсанта. Два дня ее пасли. Она сама шла им в руки. Такси ловила. Они уже подруливали к ней, когда какая-то «Нива» им путь подрезала, опередила, подобрала девчонку. Они за ней. И удача. Девка вышла из машины и прямо им в руки. Быстро сработали, самим себе на зависть. Мазут пацанов из «Нивы» кошмарил, а они с Хлыстом девку вязали. Жлоб за рулем сидел. И вот они здесь, в этой квартире. Как всегда, на пару деньков сня-

ли. Завтра девку «продадут» – только их после этого и видели. А сегодня с ней бы порезвиться надо. В машине не получилось – Мазут мешал. И весь день мешал. Но под вечер забрал с собой Жлоба и свалил. Сто пудов, в кабак оттягиваться отправились. А они с Хлыстом в полете. Ладно, им тоже будет сегодня весело. Девка застоялась, пора ее поразмять. На рожу она не ахти, но фигурка по кайфу. И ляжки у нее такие крепкие, упругие. И задница ништяк. Как орех – так и просится на грех. Да, сегодня он согрешит, как в тот раз с женой банкира.

Только Мазут и Жлоб за порог, Совок и Хлыст ввалились в комнату пленницы. Совок приблизился к девушке, схватил ее за руки и стал заламывать за спину. Хлыст помогал.

Майя пыталась сопротивляться. Да куда там. Два здоровенных мужика легко завалили ее на спину, скрутили руки, начали раздвигать ноги. В нос ударила вонь немытых человеческих тел, грязного затасканного белья. И перегар. Насильники были пьяны. Майя плакала от боли и унижения. Она знала, чем все это кончится, и никто не мог ей помочь.

Вонючий бандит с омерзительной улыбкой на страшном лице навалился на нее всем своим телом. Еще мгновение, и его штука войдет в нее. Майя зажмурила глаза.

Но никто в нее не вошел. Послышался глухой удар, и тело бандита обмякло, навалилось на нее всей своей тяжестью. И тут же чья-то сильная рука оттолкнула его в сторону.

Майя открыла глаза и увидела знакомое лицо. На нее смотрел парень из «Нивы», от услуг которого она сегодня так неосторожно отказалась. Рослый, крепко сколоченный, с простым открытым лицом. Первый парень на деревне. Что он из деревни в Москву приехал – дело ясное.

За ним стоял еще один парень, его друг.

Первый парень протянул Майе руку. Она быстро оправила на себе платье и потянулась к нему. Он помог ей встать на ноги. Оба ее насильника валялись на полу в отключке.

– Как вы здесь оказались? – задыхаясь от радости, спросила она.

– Да так, ехали за этими козлами. Ты знаешь, я ведь забыл спросить, как тебя зовут, – парень улыбался во всю ширь своего молодецкого лица.

– Майя.

– А я Толик. Чего эти козлы от тебя хотели?

– Из-за выкупа похитили. Бандиты.

– А ты говорила, бандитов не бывает, – Толик ехидно усмехнулся.

Усмехнулся и красавчик за его спиной. Только Майя несколько на них не обиделась.

– Дура была, поэтому и говорила.

– Ну, Майка, пора нам отсюда сваливать. Не то другие двое нагрянут. Руки марать о них неохота.

– Вы что, этих так здесь и оставите? – спросила она.

Она-то думала, что нужно вызвать наряд милиции. Так

всегда в фильмах и книгах поступают.

– Так здесь и оставим, – кивнул Толик. – Они нам не нужны.

– Мне тоже, – согласилась Майя.

Совсем скоро она уже садилась в белую «Ниву», которая готова была увезти ее к отцу.

Еще несколько минут назад Александр Михайлович метался по квартире, как лев клетке. Он утешал жену, самого себя, но от этого никому легче не делалось. Где Майя? Что с ней? Почему бандиты не выходят на связь? Почему тянут до утра? Деньги уже наготове.

А потом звонок в дверь. И вот он обнимает свою дочь. Даже не верится.

– Тебя отпустили? – спросил он, передавая Майю матери.

– Сама отпустилась. Ребята мне одни помогли. Они за бандитами следили.

– Что за ребята?

– Да так, утром случайно познакомилась. Они в спецназе служили. Говорят, с любыми бандитами сладят.

– С любыми, говоришь?

Эти ребята явно преувеличивают.

– Если бы ты видел тех уродов, которые меня похитили!

– А где они сейчас, эти твои спасители?

– Уехали куда-то. Но мы завтра с ними встречаемся.

– Кто это мы?

– Ну, я и Полинка.

Полина – это подружка Майи. Но она-то здесь при чем?..

А ну да, два молодых человека и две девушки.

– Я тоже хотел бы с ними встретиться.

В голове сформировалась и начала крепнуть дельная мысль.

Толик не знал города, но машину он водил как бог. Прирожденный сыщик-водитель. Как сел на хвост «двойке», так и не слезал до самого дома, где ссадили пленницу. Дальше уже дело техники.

Не без труда, но они вычислили квартиру, где спрятали девчонку. А потом дождались, когда выйдут из дома двое из четверых похитителей. Это облегчало им задачу.

Толик с разгона вышиб дверь и пулей влетел в квартиру. Максим за ним. Один бандит выбежал им навстречу, другой пытался изнасиловать пленницу. Никакой шум не мог отвлечь его от этого занятия. Толик вырубил и того и другого. Максим остался как бы не при деле. Но он не расстраивался.

Ради кого геройствовал Толик? Ради пассажирки. Она хоть на лицо и не очень, зато вот ножки у нее фу-ты ну-ты. И сама вся из себя. Крепко запал на нее Толик. Так пусть она по достоинству оценит его труды.

Майя, так звали девчонку, его труды оценила. На Максима только один раз и взглянула. И ноль эмоций во взгляде. Как

будто его здесь и нет. Зато Толику все. И восторг в глазах, и благодарность, а еще томный вздох. Сто пудов, произвел он на нее впечатление.

Вчера они довели ее до дому, проводили до самой квартиры. И исчезли. А сегодня у них встреча. Кафе «Антрацит». Южное Тушино. Майя обещала с собой подругу привести. Двое на двое – это уж куда лучше, чем двое на одну. Только Максиму было как-то все равно, будет для него подруга или нет. После Ольги его уже не тянет на любовные подвиги.

Он и Толик устроились за столиком, сделали заказ. Вот-вот должны были появиться девочки. Но вместо них появился какой-то мужчина. Высокий, представительный, в дорогом строгом костюме. От него пахло хорошим одеколоном.

– Я отец Майи, – представился он.

И сразу все встало ясно.

Мужчина занял свободное место за столиком.

– Спасибо за дочь, – сухо поблагодарил он их. – А теперь о деле.

У него еще и дело к ним!..

– Какие у нас с вами дела? – вылупился на него Толик.

– Пока никаких. Вы, насколько я знаю, в спецназе служили?

– Допустим.

– И с бандитами уже дело имели?

– Да вроде бы.

– А вы знаете, сколько с меня за дочь запросили?

– Нет.

– Тридцать тысяч долларов. Вы сохранили мне эти деньги. Я вам, пожалуй, по тысяче долларов каждому за спасение Майи презентую.

Тысяча баксов – это, конечно, хорошо, но мог бы и больше отвалить. Ну да ладно, уговора-то ведь не было.

– А че, штука баксов на дороге не валяется, – Толик тоже не выразил особой радости.

– Вы вдвоем можете заработать еще пять тысяч долларов, – продолжал мужчина с некоторым напряжением.

– Интересно.

– Должник у меня есть. Сорок тысяч долларов не хочет отдавать.

– Это непорядок.

– И я о том же. Вы возвращаете мне долг, я вам плачу – пять тысяч.

– Кто должник? Чем он занимается? – Толику предложение понравилось.

– Ночным клубом мой должник владеет. Солидный, скажем так, бизнесмен.

– Ночной клуб – это плохо, – задумался Толик. – У вашего должника наверняка есть «крыша».

– Ну, этого я точно не знаю.

Врет, все он знает. Недаром глаза забегали.

– Знаете вы это или нет, но вашего должника «кроют» бандиты, я в этом уверен. А это риск нарваться на ба-альшие

неприятности. – Толик сузил глаза. – Короче, в вашем долге наша доля десять штук баксов и ни центом меньше. Нет, так и разговора не будет.

– Хорошо, пусть будет десять, – после недолгого раздумья согласился мужчина.

– Теперь я хочу знать все, что вы сами знаете о вашем должнике.

Скоро Максим и Толик владели исчерпывающей информацией о Верещагине Николае Анатольевиче. А еще через некоторое время заказчик исчез, оставив им по штуке баксов. Его место заняла Майя, рядом села ее подруга.

Подругу звали Полиной. Худощавая брюнетка с узким личиком и большими глазами. Довольно хороша собой. Одежда по последней моде, хотя несколько небрежно – в этом особый молодежный шик. Только скучная она какая-то. Думает о чем-то своем, на Максима и не смотрит. Как будто его и нет здесь. На губах полупрезрительная усмешка: мол, не мого ты поля ягода. Возможно, именно так она и думала. Она из состоятельной семьи, коренная москвичка. И он, Максим, для нее никто. Обыкновенный провинциал. Да еще одет как последний чушок. Потертые джинсы, старый свитер домашней вязки. Да ну ее, эту зазнайку! Завтра он приоденется, приведет себя в порядок – бабки на это есть.

Максим и Полина сидели как воды в рот набрали. Толик и Майка болтали без умолку, нашли общий язык. Им было весело. Для них вечер не пропал даром.

Потом они все вчетвером забрались в «Ниву», и Толик направил машину в Митино, где жила Полина.

Они остановились возле двенадцатиэтажного дома из белого силикатного кирпича. Он строился лет десять назад, явно не для простых смертных. Сюда вселялась номенклатурная элита. Квартиру получал дед Полины, но он уже умер. Теперь здесь жили ее родители, и жили безбедно. Но Максиму было все равно. Он даже не хотел выходить из машины, чтобы проводить Полину до подъезда. Толик прозрачно намекнул, что надо бы уважить девчонку.

Вместе с Полиной они вошли в просторный холл подъезда. Когда-то здесь круглосуточно дежурил вахтер. Сейчас никого не было. Они прошли к лифту. Дождались его. Когда дверцы лифта распахнулись перед ними, Максим собрался уходить, но молчавшая доселе Полина вдруг цепко схватила его за руку и потянула за собой в кабину. Он повиновался. Лифт плавно пошел вверх. Полина прильнула к Максиму всем телом, обхватила тонкими руками за шею и припала губами к его губам. Целоваться она умела. Максим это почувствовал сразу.

Лифт остановился, и Полина, даже не взглянув на него, выпорхнула на свою площадку. Хотя бы ручкой на прощанье помахала. Интересная она все-таки девчонка. Максим нажал на кнопку первого этажа и стал спускаться.

Толик и Майя перебрались на заднее сиденье «Нивы». Им было не до Максима. Так тесно прижались друг к другу, так

смачно целовались взасос под музыку из автомагнитолы, что ничего вокруг не замечали. Рука Толика забралась Майе под юбку. Максим на них не смотрел.

Ключ зажигания торчал в замке. Он сел за руль и плавно тронул машину с места. Водитель из него не ахти, да и права на категорию «С» – еще в школе на грузовике ездить учили. Но к дому, где жила Майя, доехал без приключений. Он, оказывается, неплохо ориентируется в Москве. Вчера ночью совсем из другого места подъезжали они к ее дому, а сегодня он уже сам нашел дорогу, никого не спрашивал, как проехать. Толик бы ему позавидовал. Но он даже не обращал на него внимания. И вообще, ощутил ли он движение собственной машины?..

– Все, приехали, – не оборачиваясь, сказал Максим.

На заднем сиденье что-то происходило. Может, даже большее, чем просто поцелуи. Музыка в машине не заглушала шорохов и постанываний. Максим старательно делал вид, что ему это вовсе не интересно. Мало ли чем могут заниматься взрослые люди! Хотя пора уже оторваться друг от друга, ненароком отец из дома выйдет, машину увидит, подойдет.

Но никто не подошел и не помешал любовной парочке.

Майя пришла домой уже за полночь. Обычно она редко допоздна задерживалась, но сегодня загуляла с парнем, который ее спас. Александр Михайлович нахмурился. Да-а, де-

ла. Ну да ладно. Даже если он ее и того, ничего страшного. Майя современная совершеннолетняя девушка. Девственность сейчас не в моде. Только со своим ухажером она недолго проваландается. До поры до времени. Пока он не выбьет долг из Верещагина. Потом его пришьют бандиты-«крышники». А если нет, он сам лично запретит ему с дочерью хороводиться и ее отговорит. Опасно с таким парнем дружить, он в любой момент может подцепить пулю. И Майе пуля достанется. Она поймет. Да и не подходит он ей. Она достойна лучшей партии.

Александр Михайлович дождался, когда Майя прошмыгнет в свою комнату, и вышел на кухню. Достал пачку «Мальборо», вынул сигарету, прикурил, глубоко затянулся. Может, он зря связывается с Верещагиным? Как-нибудь не умер бы без сорока тысяч. Но нет, так нельзя. Долг должен быть возвращен любой ценой. Иначе он просто перестанет уважать себя.

Только от пацанов, которым долг вышибать, нужно будет потом избавиться. Хотя бы просто прогнать подальше.

Николай Анатольевич Верещагин начинал заниматься бизнесом с нуля. Пять лет назад организовал с друзьями кооператив. Ремонтом квартир занимались. Сами хозяева, сами же и работяги. Работали, как говорится, не покладая рук. Неплохие деньги заколачивали. Только в карман себе не клали. Николай уговорил друзей пускать деньги на развитие ко-

оператива. И кооператив, основанный на паях, развивался. Офис свой появился, наемные рабочие. Обороты увеличились. А потом он своих друзей-компаньонов «обул». Избавился от всех. Нет, не убивал. Просто отстранил от управления фирмой, потом и вовсе удалил от дел. Для этого существуют десятки различных и вполне законных предлогов. Конечно, он поступал подло. Но не кинешь – не проживешь. Будешь жить по иным законам – как пить дать прогоришь. Многие прогорают.

Он приватизировал под офис своей фирмы старое, обветшалое, но весьма и весьма вместительное здание. Главное, чуть ли не в самом центре Москвы. Теперь в этом здании ночной клуб, его собственный, хотя чужих денег на него пущено навалом. Он занимал у частных лиц. Понемногу. Но безвозвратно. У него свой метод изъятия денег. Важно найти подходящего кредитора, не так чтобы очень крутого. И брать нужно не последнее, а, скажем так, излишки. Недавно он такой «излишек» у дружка своего школьного, Сашки Самсонова, изъяс. Сорок «тонн» баксов. У Сашки крутой супермаркет, бабки там вертятся солидные. От него не убудет. Смирится с потерей, другие же смирялись. Хотя сорок тысяч для него многовато. Надо было вдвое сумму скостить. Ну да ладно. Казино нужно было устраивать в клубе. Деньги нужны были позарез, а своих кровных жалко. Ничего, Сашка с голоду не сдохнет.

Николай Анатольевич не был красавцем. Круглое рых-

лое лицо, глазки маленькие, волосы жидкие. Низенький, толстенький, живот выпирает. Но женщины его и таким любят. Ведь у него есть деньги, положение в обществе, власть. И крутой он, многие это признают.

Раньше, когда был молодым, у него в кармане ветер свистел. В институте учился – не вышло, бросил. В техникум поступил. С грехом пополам получил диплом. На стройке мастером устроился. Руки у него золотые, спору нет. Но для женщин это никакого значения не имело. Им симпатяг подавай или богатеньких. Еще лучше и то и другое, а он сермяжный трудяга, неприметный да еще неказистый. О красавицах можно было только мечтать. Женился на простой бабе, грудастой, задастой. Все хорошо, только вот неплохо бы лицо полотенцем завесить. Спустя годы его Машка стала еще страшней. Этакое домашнее чудовище. Развестись бы с ней давно, да крепко она его держит. Еще та сука, знает, чем его к стенке прижать. Дураком был, многим с ней делился, а она не дура, все на ус мотала. Да и дети у них. Ну да и хрен с ней. Пусть числится его женой. Спит он с другими.

Вот уже два месяца у него в любовницах Натали. Фото-модель с ногами, как говорят, из подмышек. Чем она там на работе у себя занимается, он даже не вникает. Ему важно, как она с ним себя ведет. В этом ее не упрекнешь. Мягкая, ласковая, как домашняя кошка, но в постели становится дикой. И, главное, профессионально все делает, с умением и на совесть. Не зря она у него так надолго задержалась и еще

долго продержится. Настоящее сокровище эта Натали. Он ей и квартиру дорогую снял, и мебелью итальянской обставил, и счета ее оплачивает. Машина у нее своя. «Пежо». Хорошо хоть на транспорт тратиться не пришлось.

Сегодня он домой не поедет, Машке и без него неплохо.

Натали открыла дверь, улыбнулась, впустила в квартиру.

– Ты не голоден, дорогой?

Натали неплохая хозяйка, готовить умеет. У нее на кухне для него всегда припасено что-нибудь вкусненькое, да только не о том голоде она спрашивает.

– Голоден.

Он уже знал, что за этим начнется. Поэтому ничуть не удивился, когда ее рука потянулась к «молнии» у него на брюках. Ртом она работала отменно.

– Не хилая киска! – Толик даже присвистнул, когда увидел пассию их с Максимом клиента.

Она выходила из подъезда и направлялась к своей машине. Ослепительной красоты шатенка в норковой шубке нараспашку. Что и говорить, выглядела эта особа эффектно.

– Везет же некоторым, – вздохнул Толик, грудью наваливаясь на руль.

Под «некоторыми» он подразумевал Верещагина. Этот круглолицый уродец вышел из того же подъезда часом раньше. Все ночь с любовницей провел, а утром на работу. Клуб у него хоть и ночной, но и утром дел полно. Они пасли его уже

неделю. Знали расписание. Сегодня он у Натали если и появится, то ненадолго; ночь проведет дома, с женой и детьми. Завтра в клуб на всю ночь, не все же на управляющего спихивать. Да и с какой-нибудь красоткой за свои бабки перепихнется. Еще тот кобель. Потом две ночи с Натали. Но это по его расписанию, а они с Толиком это расписание поломают.

Сегодня они пасут Натали. Надо узнать, где она работает. Так, на всякий случай. Но важно не это, другое. Сегодня Максим должен с ней познакомиться. Прикид у него крутой, сам выглядит свежо, эффектно. Вряд ли эта красотка устоит.

– А другим, интересно, сегодня повезет? – усмехнулся Максим.

Под «другими» он разумел себя. Ведь он еще и трахнуть должен эту особу. Так запланировано, но лучше бы обойтись без траханья.

– Хотел бы я быть на твоём месте!

– А как же Майка?

– Да ну ее! – отмахнулся Толик. – Надоела.

Вот так, обесчестил девку, и все, надоела. Впрочем, как он рассказывал, она сама на него нанизалась. Уж больно голодной баба оказалась. И потом, он Марину любит. До сих пор думает всерьез только о ней. Зачем она ему, спрашивается?.. Ну да это его личное дело.

Избегает Толик Майю. Уже дня три, как не встречается с ней. Максим этому только рад. Ведь вместе с его подружкой

приходит Полина. Целуется эта девчонка классно, спору нет. Пять дней подряд он ее провожал. И каждый раз в лифте затяжной поцелуй. Казалось бы, они должны быть на короткой ноге. Но нет, Полина бывает страстной только в лифте. А так, в кафе или еще где-то – холоднее льда. Как будто и нет его. Одет он теперь хорошо и при деньгах – две сотни баксов в кармане. Девчонки со стороны все жгут его взглядами, завидуют Полине. Но ей все по барабану. Да ну ее!..

Больше он ее никогда не увидит.

Натали села в свой «Пежо» и начала выезжать со двора. Толик направил «Ниву» следом. Они провожали ее до Сокольников. Остановилась она в маленьком уютном дворике трехэтажного дома сталинской постройки. Закрывает машину и зашла в подъезд. Максим подмигнул Толику и направился за ней.

Стук каблуков оборвался на самом веру. Максим обзрел площадку третьего этажа как раз в тот момент, когда захлопнулась дверь в одну из двух квартир. Коммуналка или нет? Это предстояло выяснить. Судя по тяжелой бронированной двери с золочеными ручками, квартира принадлежала одному хозяину. И звонок был один.

Дверь открыл невысокий полноватый мужчина в очках. Кто это? Может, еще один любовник Натали?.. Мужчина недовольно посмотрел на незваного гостя. Максим уже готовился получить от ворот поворот.

– Извините, – сказал он. – Я, кажется, ошибся дверью.

– Ты Леонид? – буркнул очкарик.

– Ну да, – согласился Максим.

– Ничего ты не ошибся, входи.

Что ж, можно побыть и каким-то там Леонидом.

Максим оказался в роскошной четырехкомнатной квартире. Высокие потолки, евроремонт, дорогая мебель, свежий ароматизированный воздух.

– Проходи, – хозяин провел гостя в светлую комнату, указал на кресло. – Располагайся. И раздевайся. – Он посмотрел на часы. – Ровно через полчаса твой выход.

Он кивнул на закрытую дверь комнаты напротив и исчез. Максим остался один.

Его просили раздеться. Так он и сделал: скинул с себя дубленку и бросил ее на спинку кресла. Разулся он еще в прихожей. От нечего делать включил видеодвойку. На экране замелькали обнаженные тела. Порнуха. Нет, не пойдет. Не тот сейчас у него настрой. Он переключился на телевизионный канал. Блин, одни телесериалы по всем программам. Сговорились они там, что ли?

Натали нигде не было. Комнат в квартире много. Может, она трахается со своим любовником, поэтому не появляется. Ничего, скоро он все узнает.

Через полчаса, как и было договорено, Максим открыл дверь в комнату, на которую ему указали. Его выход. Он еще не знал, что означали эти слова.

В просторной комнате на широком, как аэродром, ложе

на коленях и локотках стояла обнаженная Натали. Тело ее содрогалось под натиском волосатого мужика. Оба страстно стонали. Натали скребла ногтями по деревянной спинке кровати. Пикантная ситуация. Но почему тогда она занимается сексом в свете «юпитеров», а вокруг нее с видеокамерой в руках порхает бабочкой тот самый очкарик? В углу комнаты в глубоком кресле сидит бородатый мужик с бесстрастным лицом и дает какие-то указания жестами.

Да это же порносцена. Очкарик – кинооператор. А бородатый – режиссер. Значит, Натали – порноактриса. Максиму стало грустно. Еще бы, ведь ему, возможно, придется трахнуть эту сучку, а теперь у него на нее может и не подняться. Не думал, что она такая дешевка.

– Кто такой? – «Режиссер» вскинул на Максима удивленный взгляд.

Быстрым, но по-кошачьи мягким движением он выбросил свое поджарое тело из кресла и подступил к Максиму вплотную. Постельная сцена продолжалась. «Оператор» по-прежнему работал камерой. Все шло своим чередом. Видимо, Максим был несущественной помехой.

«Режиссер» вывел его в коридор, вместе с ним прошел в комнату, где он только что смотрел телевизор.

– Ты кто? – еще раз спросил он, впившись в него угрожающим взглядом.

– Да так, адресом ошибся, – Максим изобразил полное смятение чувств. – Ваш приятель в очках не за того меня

принял. Ну и впустил.

– Как тебя зовут?

– Леня.

– Все понятно. Арнольд ждал другого Леню, а пришел ты.

Где же Леня?

Бородатый посмотрел на часы.

– Какой Леня?

– Актер новый. Слушай. – «Режиссер» явно занервничал. – Я тебе дам полста баксов. Ты за это будешь молчать. Понимаешь, каждый занимается чем может. Я снимаю порно. Это мой хлеб. Короче, мне лишние проблемы не нужны. Ты меня понимаешь?

– Да понимаю, – с готовностью кивнул Максим.

– Тогда иди, – бородатый протянул ему пятидесятидолларовую купюру.

– Иду и молчу.

Ему и самому хотелось убраться отсюда поскорее. Все, что нужно, он уже узнал.

– Нет, постой, – «режиссер» принял какое-то другое решение.

– Ну чего?

– А если я тебя в свой штат возьму?

– Не понял.

– Ну, парень ты на внешность вполне, – бородатый смотрел на него как на породистую лошадь.

Еще бы в зубы заглянул.

– Да, девки жалуют, – легко согласился Максим.

– Вот и я о том же. Будешь у меня баб топтать. Я тебя прямо сейчас к Наталке подпущу. Ты уже видел ее в деле. Она тебе минет изобразит, а потом ты ей в зад впердолишь. С Ромой в паре поработаешь. Сто баксов тебе отстегну.

– Да нет, не тянет меня на нее.

– На баб не тянет? – почему-то вдруг обрадовался бородатый. – Слушай, это же класс. Ко мне тут заказ из Европы поступил. Мужик с мужиком. Ну, ты понял. Так ты «тонну» баксов заработать можешь. Сечешь?

– Я не голубой! – возмутился Максим.

– Так я тебя покрашу! – загоготал в восторге от собственного шуточки «режиссер».

– Да пошел ты, каз-зел!

– А вот это ты зря!

Бородатый был дядя крупной комплекции. По сравнению с ним Максим выглядел цыпленком. Но это только так казалось.

«Режиссер» протянул к нему руку, пытаясь ухватить за ворот пиджака. Но Максим уже был наготове. Он резко развел в стороны ноги, низко присел и ударил противника кулаком в пах. Потом быстро спружинил вверх, головой, как тараном, врезал ему в подбородок. «Режиссер» отлетел к стене, не удержался на ногах и мешком осел на пол. Его затуманившиеся глаза невидяще смотрели на Максима.

– Ублюдох! – бросил Максим, снимая с кресла свою дуб-

ленку.

Он вышел из квартиры, бесшумно закрыв за собой дверь.

Натали сегодня, можно сказать, повезло. На съемках ее должны были трахать двое сразу. Но что-то не сработало, и она досталась только одному Роме. Лучше бы, конечно, обойтись и без него.

Надоела ей эта сучья мерзость. Полжизни отдала бы, чтобы завязать с порнофильмами. Но Борода не позволяет. Из его рук не вырваться.

Летом прошлого года Натали приехала в Москву в поисках счастья. Пыталась поступать в театральное училище. Но, увы, фортуна обошла ее своим вниманием. Как жить дальше? Ни денег, ни жилья, ни работы. А тут Борода подвернулся. Забрал к себе жить, подарки делал, по ресторанам возил. Ну и не без этого самого... Но все культурно, без всяких зазорных излишеств.

Потом случилось то, о чем она вспоминает с болью. Другей своих Борода на вечеринку пригласил. Водка, вино, марихуана... Дело дошло до самой развязной оргии. Натали ничего не помнила. С кем, как и что. Узнала обо всем на следующее утро. Борода ей кассету прокрутил. Чистой воды порно. Она и еще трое молодчиков крутили извращенную любовь. Со всех сторон ее бедную обступили, куда только можно свои штуки совали. Она была в шоке. А Борода ее добил. Вынул кассету из видеомэгнитофона и вложил в картонную

коробку. При ней же коробку эту и запечатал. На коробке адрес: Тамбов, Симбирцевой Татьяне Ивановне. Он грозил отправить кассету ее матери, но ведь она у нее учительница. Дочь всегда гордилась, в пример всем ставила. Она бы не перенесла такого позора.

Натали тогда забилась в истерике. Белугой редела, но слезами горю не поможешь. Борода пообещал не отправлять кассету, однако баш на баш. Взамен он обязал Натали время от времени сниматься в его фильмах «домашнего производства». Заказы к Бороде шли с Запада. Там особенно ценили порнофильмы без намека на режиссуру. Живое мясо, больше ничего не надо. И он старался. Все фильмы уходили за бугор. В России ничего не оставалось. Так было безопаснее для самого Бороды и тем более для Натали. Она согласилась и вот уже целый год в постыдной кабале. Хорошо хоть бабки неплохие за это дело получает. Впрочем, что хорошего – у ее хозяина на нее уже целая видеотека самого крутого компромата, чтоб он сдох, сукин сын!..

Сегодня этому ублюдку не поздоровилось. Какой-то парень навешал ему трендюлей. До сих пор отходит, урод. Только ей от этого, увы, не легче.

Проклиная судьбу, Натали подошла к своей машине, села за руль, завела мотор. И в это время к ней подошел молодой человек. Черноволосый, синеглазый, лицо как у античного бога. В глазах сила, она завораживала, возбуждала.

– Девушка, милая, в Раменки позарез надо. Мичуринский

проспект.

Он явно куда-то спешил. И голос у него такой приятный, убаюкивающий. В Раменки ему нужно, там она и живет. Как раз на Мичуринском проспекте. Надо же, какое совпадение. Впрочем, даже если бы этот молодой человек на другой конец Москвы спешил, она бы ему не отказала. Похоже, этому парню трудно будет в чем-то отказать. Ее дыхание участилось.

– Садись, – небрежно бросила она, пытаясь скрыть возбуждение за маской неприступности.

Она везла молодого человека в Раменки, где жила со своим любовником. Коля – преуспевающий бизнесмен. Она снял ее в ночном клубе, которым сам и владел. Страшненький, но она его не оттолкнула. Подленький он в душе, но не злой и на деньги не жадный. Квартиру дорогую снял ей и содержал. Но главное, он сумел создать иллюзию домашнего очага, к чему она всегда тянулась. Образцовой хозяйкой стала. Не для него, для себя старалась. Только вот иногда из дому уходила. Не по хозяйственным, по совсем другим делам. Коля ни о чем не подозревал. Уж слишком он самонадеян, слишком верит в нее. И правильно делает. Кроме порно, она ему ни с кем не изменяла, а сейчас вот возьмет и изменит. Уж больно волнует ее этот молодой человек. Максим. Как он смотрит на нее!

– Что вы сегодня вечером делаете? – робко спросил он с застенчивой улыбкой.

– Ничего.

Наконец-то он заговорил о самом важном. Она так ждала этого момента. У Коли сегодня по расписанию ночь с семьей. Жена у него стерва, но никуда ему от нее не деться. Возможно, заскочит он и к ней вечером, на пару часов.

– Давайте проведем вечер вместе?

Зачем ждать вечера, если можно начать все прямо сейчас? Натали посмотрела на часы. Третий час дня. Коля появится не раньше шести, если вообще появится.

– А ты в Раменки надолго? – спросила она.

– Да нет, к другу на пару минут забежать надо. А что?

– Можно после друга ко мне заехать.

Максим от удивления открыл рот. В глазах дикий восторг. Мальчишка еще совсем, но какой мальчишка!..

– Я не против.

Еще бы он был против!

В половине четвертого они уже были у нее в квартире. Никак не ожидал Максим такого поворота событий. Он, кажется, еще не верит, что скоро сможет обладать ею. Два часа у них, и еще где-то час в запасе. Должны успеть.

– Пить будем? – обворожительно улыбнулась Натали и подошла к бару в гарнитурной стенке.

От ее холодной неприступности не осталось и следа. Современная женщина без комплексов. Легкомысленная и доступная.

Порция виски раскрепостила Максима, сняла напряже-

ние. Он начал травить анекдоты, о чем-то весело рассказывать. Сидит себе в кресле и чешет языком. Хорошо, конечно, что он растормозился, но ей нужно от него не это.

– Я сейчас, – Натали вышла из комнаты.

Она направилась в ванную, наскоро приняла душ, надела нижнее белье повышенной сексуальности, накинула на себя шелковый халат и снова предстала перед гостем. Терпеть уже не было сил.

На столике стояли два полных бокала виски, но она уже была пьяна и так. От желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.